

Павел
Гушинец

ЕЩЁ
НЕМНОГО
ИЗ
ОБРЫВКОВ

Павел Владимирович Гушинец

Ещё немного из обрывков

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68796891

Ещё немного из обрывков: Четыре Четверти; Минск; 2023

ISBN 978-985-581-529-8

Аннотация

Контраст между детским и взрослым мирами, растерянность провинциального студента в большой и шумной столице, первая любовь и крепкая дружба, а также история белорусского мошенника, достойная голливудского фильма, – обо всём этом вы узнаете из продолжения книги «Обрывки» – «Ещё немного из обрывков».

Надеемся, что вы, как и прежде, останетесь почитателями творчества талантливого писателя, неистощимого юмориста и философа Павла Гушинца.

Содержание

И снова здравствуйте	5
Обрывки и отрывки	7
Истинные ценности	7
Марки	10
Как мы изменились, или Чашечка кофе	13
Взрослые детские рассказы	20
«Ты меня на рассвете разбудишь»	20
«У кошки четыре ноги», или История современного беспризорника	31
Пастух	40
Веер из павлиньих перьев	53
Кладбище	85
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Павел Гушинец

Ещё немного из обрывков

*** * ***

© Гушинец П., 2023

© Оформление. ОДО «Издательство „Четыре четверти“»,
2023

И снова здравствуйте

Весной 2020 года я собрал валявшиеся по всему дому записки, блокноты и тетради (получилась огромная гора посреди комнаты) и принялся разбирать. Если ты занялся писательством в пятнадцать лет, а накануне тебе стукнуло сорок, то таких обрывков и записок должно накопиться немало.

Какие-то фантастические рассказы без начала и конца. Забытые сюжеты. Сцены с диалогами. И загадочная запись на блокнотном обрывке, которая повергла меня в трепет: «В седьмой главе убрать Сергея Петровича...» Откуда это всё? Как вспомнить? И как сложилась судьба несчастного Сергея Петровича?

Хорошо, если под исчёрканным листком имеется краткое содержание того, что я хотел написать. Но чаще всего этих спасительных строк нет, и я уже никогда не вспомню, о чём должен был поведать миру тот или иной рассказ. Да и планы с содержанием не всегда помогают. Как, например, расшифровать следующее: «1. Болото. 2. Битва у трёх осин. 3. Лирическое отступление и т. д.»? И всё это под сценой приземления космического корабля на чужую планету.

Я просидел над тетрадками целый вечер, вызывая гнев жены, которая постоянно об меня спотыкалась. Выбирал и перебирал, складывал и тут же перетасовывал, словно колоду

карт. Отбрасывал смешной подростковый бред и тут же возвращал его обратно, потому что идея интересная, надо лишь только её доработать.

К полуночи я устал, зато ворох обрывков превратился в стройные стопки. Эти стройные стопки я отложил обратно в ящик. Займусь ими, когда будет время, и ещё удивлю мир гениальным фантастическим романом. Айзек Азимов обзавидуется.

А из обрывков и отрывков я составил сборник. Получилось две книги (или три, я ещё не решил). Если вы читали первую, и вам понравилось, то смело беритесь за вторую.

Обрывки и отрывки

Истинные ценности

С возрастом мы понимаем, что разучились радоваться простым вещам. Что голова занята какой-то чепухой, беспокойством, заботами, которые на самом деле не стоят нашего внимания. Полночи ворочаемся и не спим не от любви, а потому что в экселевской таблице стоят не те цифры, за которые нам заплатят немного меньше. Разве эти цифры стоят наших бессонных ночей?

Некоторым счастливицам везёт. Они старятся без особого букета болячек, выходят на пенсию, а там уже впадают в детство. И радуются мелочам. Но прохожие странно смотрят на старичка, который пытается радостно подпрыгивать на прогулке в парке. У взрослых не принято радоваться. Можно купить джип последней модели и позволить себе немного поднять уголки губ. То ли улыбнуться, то ли болезненно оскалиться.

Я планирую поехать крышей и впасть в детство сразу после пенсии. Вот прямо в тот день, когда мне вручат пенсионное удостоверение, я расхохочусь в лицо чиновнику, который это пенсионное удостоверение мне отдаст. Потом, крихтя, встану со стула и начну прыгать на одной ножке. Ну, или

не начну, может, артрит коленного сустава помешает. Но я попытаюсь, это точно.

Внуки, конечно, забегают. Дед с катушек съехал, держите его, вызывайте скорую. Внуки не поймут. Или поймут? Надеюсь, что хоть Соня поймёт, она же помогала мне сочинять детские книжки и понимает, что крыша у папы поехала давно. Просто он всю жизнь удачно прикидывался.

Но до пенсии нельзя. До пенсии придётся строить из себя строгого, серьёзного, взрослого человека. Грамотного руководителя, ценного сотрудника и так далее, и тому подобное... Иначе сдадут в дурдом раньше времени. А дочь ещё маленькая, не сможет защитить.

Но иногда хочется попрыгать на одной ножке.

Вот вчера разразился над Минском настоящий июльский дождь. С грозой, пеленой тёплой воды, запахом озона и бурными ручьями на асфальте. Приехал я с работы в свой двор, припарковался, бегу к подъезду. И мысли в голове какие-то неправильные, глупые. Я думаю только о том, что дорогие итальянские туфли сейчас промокнули и потеряют внешний вид, а на летнем пиджаке разводы останутся. И на галстук тоже. И что документы в портфеле лежат важные, с печатями-подписями всяких директоров. И не дай Бог капля дождя попадёт на печать, это ж сколько возни всё потом переделывать.

А напротив моего подъезда стоит Счастливый Человек лет шести. И занимается он исключительно важным делом.

Стоит на мокром асфальте босиком. Потому что его красивые резиновые сапожки с обязательными мультяшными героями из скучной функциональной обуви превратились в Инструменты. Этими инструментами счастливый человек зачерпывает воду из глубокой лужи, переносит её на противоположную сторону дорожки и выливает в другую лужу. Очевидно, что таким образом он поддерживает понятный только ему, но, несомненно, очень важный в мировом масштабе баланс.

В одной руке счастливый человек держит маленький зонтик, но это скорее дань ритуалу. Ибо великий свершитель баланса мокрый уже с ног до головы. Но его это не заботит. Ему вообще начхать на то, что идёт дождь, что босиком по городу ходить не принято, что прохожие качают головами, пробегая мимо. Он занят действительно важным делом.

Он абсолютно счастлив и глубоко погружён в своё важное дело. Отвлечь его не смогут такие пустяки, как печати директоров, экселевская таблица или даже мультики по телевизору.

И я позавидовал. Даже если сейчас встану рядом, разуюсь и превращу свои итальянские туфли в инструменты, то помогу ли я счастливому человеку? Ведь только он знает грани баланса, которого стремится достичь.

Кроме того, туфли у меня для такого дела мелковаты. Много не зачерпнёшь.

Марки

Знаете, что такое привет из прошлого? Чтоб прямо детство вспомнилось, сердце сжалось и вам, сорокалетнему взрослому мужчине, стало так тоскливо, что заплакать захотелось?

Иногда сущие мелочи напоминают нам о прошлом, прилетают таким приветом.

Вы в детстве собирали марки? Конечно, собирали. Какой советский мальчишка хоть на год, хоть на полгода не поддался этому увлечению?

Я тоже пришёл как-то к приятелю. А у него альбом и марки. И сидит он за столом, разглядывает их, что-то помечает в тетрадке. Марки красочные, яркие, надписи на непонятных языках. Какое-то волшебство, а не кусочки бумаги. Никарагуа, Перу, Монголия, Испания. Не слова, а заклинания. Произнесёшь, и словно переносишься в душные джунгли Южной Америки или на раскалённое плоскогорье Южной Европы. На марках – фантастические птицы, ленивые леопарды, чернокожие воины с копьями.

Я заболел тут же.

Прибежал домой, выпросил у мамы немного денег, кинулся на почту, купил альбом и россыпь дешёвых советских марок. Альбом тоже был так себе. Несколько картонных листов с полосками прозрачного пластика. Невзрачная облож-

ка. У моего приятеля коллекция была гораздо интереснее. Но это были МОИ марки.

Я принёс добычу домой, положил на стол и торжественно поместил марку (свою Первую марку!) на законное место.

Потом я их собирал, менял, бесконечно рассматривал и сортировал. Ну какие могли быть марки у мальчишки из провинциального белорусского городка? Чепуха сплошная. Что привозили на нашу почту, то я и покупал. Раскладывал марки по тематикам: космос, лошади, цветы, грибы, спорт. И «разное». Те, которые ни в одну категорию не подходили.

Я откладывал на новое увлечение каждую копейку, поэтому два-три раза в месяц у меня получалось купить на почте марку.

Бабушка работала тогда на заводе, была активистом профсоюзной деятельности, поэтому у неё я выцыганил разноцветные крошечные марки – платежи профсоюзных взносов. Правда, марки эти были скучные, без картинок. Зато разноцветные и их было много.

Альбом понемногу заполнялся.

Потом я внезапно остыл. Альбом лежал на полке, пылился. Его не открывали уже полгода. А в один прекрасный день и вовсе променяли на пригоршню пластмассовых солдатиков.

А недавно полез я в интернет на какую-то барахолку. Уже не помню, что искал, но кликнул случайно на ссылку. А там – марки! Олимпиада–80, 50 лет СССР, Чебурашка с Геной.

Целый ворох чьей-то пионерской коллекции. И среди разноцветных кусочков бумаги мне сразу же бросилась в глаза одна из моих детских марок. Из раздела «разное». Абстракция в духе советского абстракционизма. Она была большая, коричневая, с золотыми серпами и молотами поверх росчерков разнообразных линий. Из-за серпов выглядывали колосья, хлопок, краешек земного шара.

На самом деле оказалось, что их целая серия. Синие, красные, сиреневые. Рисунок был одинаковый, а вот фон – разный.

Вся коллекция стоила каких-то смешных денег. То есть я даже не задумался. Купил и всё тут. Пошёл в книжный магазин, приобрёл дорогуший альбом в кожаной обложке. Едва дождался, пока по почте придут Мои заказанные марки.

Принёс домой, достал с полки альбом, раскрыл его на первой странице. Аккуратно надорвал присланный конверт. Выбрал из кучки и поместил на своё место ту самую коричневую марку.

И было мне счастье.

Как мы изменились, или Чашечка кофе

Корпуса заброшенных заводов в центре столицы похожи на туши убитых метеором мастодонтов. Они проиграли в эволюционной борьбе и теперь в их серых бетонных скелетах заводятся казино, мебельные и бесконечные кофейни. Иногда там появляется что-то интересное вроде пейнтбольного клуба или курсов сражения на двуручных мечах, и тогда мы с Соней едем к очередной разваливающейся от времени проходной.

А там – крутые лестницы, засыпанные бетонной крошкой. Разрисованные граффити стены. Нагромождения каких-то титанических станков, укрытых металлической сеткой. От кого? Кому понадобятся эти проржавевшие насквозь останки. У какого сумасшедшего великана достанет сил поднять и уволочь прочь многотонные махины?

И тут же – крошечная кофейня, рассчитанная на такой же крошечный ручеек посетителей ближайшего спортзала. Пара столиков, металлических стульчиков, яркая вывеска, подсвеченная розовым фонариком. Запахи сдобы и кофе. Надо взять себе американо, а Соньке чай с кренделем. Нам тут ещё часа три торчат, проголодается ребёнок.

– Какие люди?! – я этот удивлённый и немного нахальный голос не слышал лет десять, не меньше.

Оборачиваюсь. Так и есть. На заводском крыльце стоит изрядно растолстевший и поседевший старший лейтенант медицинской службы Артём Саненко. Тот самый Артём, с которым мы в октябре 2009-го чуть не замёрзли на полигоне Белая Лужа. Артём, который одним могучим рывком мог построить в длинную шеренгу до полусотни солдат-первогодок. От воспоминаний у меня тут же занули пальцы. Длинными полигонными ночами в палатке, чтоб не замёрзнуть, мы играли в карты. Просто так, в бесконечного, бессонного дурака. И пальцы настолько коченели, что не слушались, не гнулись, карты падали на пол рубашками вниз. И их было очень тяжело поднимать.

А утром мы выбирались из палатки, рысцой трусили во круг лагеря, чтоб согреться, растряссти ночное оцепенение. Потом ехали на поле, где грохотала артиллерия, лязгали траками танки и часто чавкали пулемётные очереди. В высоких кабинетах генералы чертили на картах синие и красные стрелочки, а тут, на нашем полигоне, эти стрелочки превращались в технику и подразделения живых людей. И эти люди мёрзли и мокли в грязи. И мне прилетало из тёплых кабинетов за высокий уровень заболеваемости. Я должен бы всё это предотвратить.

А ещё постоянно шёл мелкий дождь. А однажды ночью ударил морозец, и мой промокший бушлат стал похож на кирасу конкистадора. Не по внешнему виду, а по твёрдости.

– Старший лейтенант Саненко! – сдвинул брови я. – А что

это вы тут делаете?

– Доктор! – Артём стиснул меня в объятиях. – Сто лет не виделись.

А рядом с ним стоит что-то ушастое, на вид – шестилетнее. Если убрать девяносто кило веса и седину – вылитая копия Артёма.

– Твой?

– Мой. Знакомься, Вадик. Это – дядя Паша. Мы с ним вместе служили.

Вадик солидно протягивает руку. Здоровается. Сонька фыркает и задирает нос.

– Вы сюда?

– Ага. Прочитали в интернете, что тут какая-то детская площадка. Батуты, лабиринты. Решили заглянуть. Не сидеть же дома.

– Мы тоже прочитали, что здесь клуб скейтбордистов и можно покататься. Вот, пришли.

– А это идея! – оживляется Артём. – Вадик, хочешь на скейт?

– Не-а, – отрицательно мотает головой копия. – На батут хочу.

И Артём, который одним матерным словом утихомиривал две роты артиллеристов, опускается перед отпрыском на корточки.

– Ну Вадик, мы с дядей Пашей много лет не виделись. Вы с Соней поиграете, покатаетесь, а мы посидим, поговорим.

– Не-а, – Вадик надувается как хомяк и смотрит на нас с вызовом.

Оборачиваемся к Соне.

– Доченька, может, ну его, этот скейт. Пойдём на батуты?

Но Соня настроилась на скейт. Тем более Вадик со своим выпендрёжем ей категорически не нравится. И двум взрослым дядькам остаётся только развести руками. Не портить же выходной детским рёвом.

– Давай хоть кофейку возьмём, посидим минут десять, поболтаем, – предлагает Артём.

– Дети, будете пирожное? – спрашиваю я.

На пирожное дети соглашаются. Артём склоняется к окошку кофейни:

– Малиново-имбирный чай с ванильным эклером.

И тут же морщится.

– Зараза, как прозвучало! Помнишь, как мы на полигоне спирт из бидона железной кружкой черпали и пили? Одна кружка на всех.

– Помню, – ухмыляюсь я. – А на третий день Сашка забыл хлеб завернуть в плёнку, и он за день зачерствел. И мы его вечером грызли.

– А теперь – ванильные эклеры, – вздыхает Саненко.

Мы усаживаем отпрысков за столик, с умилением наблюдая, как они трескают пирожные. Нам хорошо вот так сидеть, молча смотреть на детей. У взрослых, если они долго молчат, иногда возникает чувство неловкости. А у нас неловко-

сти нет. С Артёмом никогда не было неловко. И слов не надо.

– У тебя всё хорошо, доктор?

– Ага, – киваю я. – Ушёл в частную медицину.

– Видел я. В соцсетях фотки твои смотрел.

– А ты?

– Я тоже с армией завязал. Сейчас у тестя в строительной фирме. Крыши делаем, чердаки всякие, мансарды. Женился вот. Вадик у меня. Лерка только родилась. А у тебя Соня одна?

– Одна, – улыбаюсь я. – Такая шевутная, что больше не надо. С одной еле справляемся.

– Это хорошо, что шевутная. Дети должны быть такими.

Помолчали.

– А тебе полигон иногда снится? – наконец спрашивает Артём.

– Мне медрота снится, – отвечаю я. – И как Сашка звонит, что в часть педикулёз завезли. Или что уровень гриппа растёт.

– А мне снится, что бандерлоги зенитку разобрали, а собрать не могут, – хмыкает Артём.

– Хотел бы опять в палатку на полигон? – спрашиваю я.

– Да не-е-е, – тянет Артём. – Мы, конечно, молодые были.

Спирт кружками, спина не болела, спали на морозе и никаких гриппов-ангин. Теперь изменились сильно. Я вот пузо отрастил. Но назад не хочу. У меня тут сейчас Вадимка и Лера. Объект интересный к зиме надо доделать. А ты? Хо-

чешь вернуться?

– Не знаю, – честно признаюсь я. – Тоже спина ноет. И Сонька тут у меня.

– Вот и я о том же, – кивает Артём. – Мы сильно изменились. И это, наверное, хорошо.

Он встаёт, вынимает из кармана носовой платок, вытирает моську сына, обильно испачканную сахарной пудрой и кремом.

– Па-а-ап, пошли на батуты, – тут же начинает ныть мальчишка.

Артём оглядывается на меня растерянно.

– Пойдём мы, доктор.

– Понимаю, – киваю я. – И нам тоже пора.

Мы расходимся, обещая в ближайшее время созвониться, встретиться. При этом понимая, что уже, наверное, никогда не встретимся. И не позвоним друг другу.

Мы изменились.

Соня дожёвывает ванильный эклер, делает последний глоток малиново-имбирного чая. Отряхивает руки, вытирает рот рукавом.

– Пошли, батя!

Я протягиваю ей руку.

– Как я кататься буду? У меня в животе чай булькает.

– Проблема, – соглашаюсь я. Беру её за липкую от ванильного крема руку, помогаю подняться по бетонной лестнице в зал скейтбординга.

Мы изменились. И это, наверное, хорошо.

Взрослые детские рассказы

«Ты меня на рассвете разбудишь»

Я иногда завидую современным детям и подросткам. С появлением интернета их жизнь стала проще, интереснее и, главное, информативнее. Возможно, исчезла какая-то тайна и недосказанность, но добывать информацию стало легче.

К примеру, в 1989 году мы с моим приятелем Мишкой чуть не подрались из-за Сахалина. Он утверждал, что Сахалин – это полуостров, а я был уверен, что остров. Сидели во дворе, болтали, как-то незаметно разговор ушёл на Север. Тогда для нас Север пахивал ещё не длинным рублём, а хоть какой-то романтикой. Челюскин, Папанин, ледоколы, Арктика, белые медведи. Тем более, что по осени котлован долгостроя рядом с нашим домом залило дождями. По нему плавали большие куски белого пенопласта. Чем не льдины?

Взрослые ещё удивлялись, откуда в котловане этот самый пенопласт? А чего удивляться – это мы с Мишкой его туда бросили. У Мишки дядя работает в «Хозтоварах», у него этого пенопласта – вагон. Какая-то там упаковка для холодильников и телевизоров.

Когда в сентябре пошли дожди, и воды в котловане стало целое море, мы решили сделать плот и отправиться по

стройке в путешествие. Выпросили у дяди несколько листов пенопласта, связали их верёвочками и проволокой (для этого важного дела Мишка пожертвовал свой моток настоящей медной проволоки). Стащили плот по скользкому глинистому склону. Забор, говорите, сторож? Да не смешите вы мои кеды. В заборе мы сто лет назад выбили несколько досок, а сторож – это мифическое создание, которым только первоклашек пугать.

Спустили плот на поверхность мутной, даже с виду холодной воды.

– Ну, ты первый! – скомандовал Мишка.

Я взглянул на наше плавсредство и засомневался. Плот покачивался на мелкой ряби, выглядел крайне ненадёжным. А у меня штаны почти новые.

– А чего это я первый? – отвечаю. – Ты придумал – ты и первый.

– Ссышь? – Мишка сразу пошёл с козырей.

Но меня не пронять. Я этот его приём давно изучил. Вот если бы кроме нас в котловане ещё кто-то был, особенно девочки, тогда полез бы. А так – не докажет.

– Не лезу, – говорю. – Сам лезь. У меня штаны новые.

Мишка посмотрел на меня с презрением и полез.

Только он ступил на хлипкую поверхность нашего плота, как произошло закономерное. Под весом покорителя Арктики пенопласт поломался, все проволочки-верёвочки разъехались, и юный Папанин пошёл ко дну – провалился по ко-

лено в смесь грязи и холодной воды.

– Ой! – ругаться матом Мишка научится много позже, года через полтора. А пока он только тоненько ойкнул.

– Держись! – храбро закричал я и полез его спасать.

Через минуту мы оба стояли по колено в грязи. Обломки плота, дразнясь и похихикивая, выходили в центр котлована.

– Тонем? – спросил меня Мишка.

– Ага, – согласился я и полез вверх по глинистому склону.

Вывозились как черти. Пришли домой, получили от родителей по шее. А обломки пенопласта разметало ветром, их ещё несколько месяцев носило по мутной поверхности котлована, напоминая то ли Летучего Голландца, то ли айсберги.

Вот с этих айсбергов наш спор и начался.

Сидели на заборе, плевались в котлован. А Вовка выдал что-то вроде того, что он вырастет и обязательно станет полярником. Поедет на какой-нибудь Сахалин и будет там медведям хвосты крутить.

– Как ты на Сахалин доедешь? – усмехнулся я. – Это же остров, туда только на самолёте.

Мишка посмотрел на меня и заржал.

– Ты чего? – обиделся я.

– Ха-ха-ха, – заливался Мишка.

И выговаривал он это своё «ха-ха-ха» так тщательно, что я сразу понял, ни капельки ему не смешно, просто он надо мной издевается.

– Чего ржёшь, придурок?

– Да двойка тебе по географии! – фыркнул Мишка. – Сахалин – это полуостров. Туда и поезда ходят, и автобусы.

У моего соседа семиклассника на стене висела карта мира. Я частенько заходил в гости и рассматривал карту, мечтая о том, что, когда вырасту, то обязательно поеду в Африку охотиться на слонов и жирафов. Так вот, я твёрдо помнил, если посмотреть на правый верхний угол карты, то там будет Сахалин. Остров Сахалин. А точнее «о. Сахалин».

Именно это я и сказал Мишке.

– Это потому, что ты слепокротый очкарик, – тут же отозвался Мишка. – Ничего не видишь на этой самой карте.

Кто бы говорил. Очки я отродясь не носил, а вот Мишка весь первый класс щеголял в этих самых очках. Одно из стёкол у него ещё было пластырем заклеено. Мы его весь первый класс «Одноглазым» дразнили. Вот у него обида и затаилась.

– Сам ты очкарик, – фыркнул я.

Слово за слово, он мне по шее, я ему в нос. Битва двух титанов. Пришли домой в порванной грязной одежде, ещё и от родителей получили.

Я выпросил у соседа учебник по географии, где на первой странице была нарисована карта с этим треклятым Сахалином. Притащил его в школу. Сую под нос Мишке.

– Вот, смотри, Сахалин – это остров.

– А я тебе, что говорил?! – взвился Мишка.

Я удивлённо посмотрел на него.

– Ты говорил, что полуостров.

– Ты мало того, что слепой, так ещё и памяти нет. Я как раз говорил, что Сахалин – это остров, а ты, что полуостров. И кто оказался прав?

Подскажите, по советским законам девятилетних детей за убийство надолго сажают в тюрьму? Я сейчас, кажется, придушу этого скользкого типа.

К третьему уроку мы, конечно, помирились.

При современном уровне распространения интернета разве возможна была бы эта история? Дети одновременно открыли бы Гугл и мигом обнаружили бы и про Сахалин, и про Камчатку, и про «купить корень жизни китайский дети медицина».

Но рассказ, собственно, про другое. Рассказ про музыку.

Вот как раньше обстояло дело с популярными мелодиями? Услышал ты случайно какую-нибудь песню, понравилась она тебе. Что-то недослышал, что-то не понял. Ходишь, напеваешь.

Так рождались незабываемые хиты про «Скрипку-лису», про пересов, которые обожали Костю-моряка. А с распространением англоязычной музыки вообще начался какой-то треш. Мой приятель дня три ходил по школе, напевая: «Донт тач ми ту-ду-ду-ду». Потом задумывался на минуту и снова: «Донт тач ми ту-ду-ду-ду». Ну и всё, собственно. Дальше он не запомнил.

Теперь всё проще. Услышал песню, пришёл домой, вбил в Гугл. Неважно как, криво, косо, русскими буквами английские слова. И тут же тебе и песня, и текст, и фотографии группы, и ещё вагон информации. Слушай – не хочу.

А у нас попробуй найти ту песню, которая понравилась. Бежишь к приятелям.

– Ну там девчонка вроде поёт. Тоненьким таким голоском.

– А что хоть поёт?

– Да фиг его знает, не по-русски.

– А от нас ты чего хочешь? Примерно хоть напой.

– Что-то типа «ю май хо, ю май со».

Бедный Томас Андерс. Или Дитер Болен. Я до сих пор не отличаю кто из них кто.

А в начале девяностых произошли в моей жизни два музыкальных события. Во-первых, дедушка Алик, отец моего отца, спаял на кухне магнитофон, затолкал его в корпус от старых «Карпат» и подарил мне. И у меня появился первый собственный магнитофон. Это был непонятный однокассетник, который немилосердно хрипел и жевал плёнку. Но это был МОЙ магнитофон. Я до дыр заслушивал кассеты с ранними монстрами рока типа Металлики или АС/ДС, втихоря от бабушки, чуть ли не под одеялом прослушал кассету «Сектора Газа».

А во-вторых, у нас в городе появилось кабельное телевидение. По вечерам крутили фильмы с одноголосым перево-

дом, а днём врубали по кругу лучшую то ли сотню, то ли тысячу МТВ. Я приходил со школы, включал телевизор и наткался на какое-нибудь 35-е место. А там Мит Лоуф на мотоцикле в клипе под «Красавицу и чудовище», Джеймс Хэтфилд ревёт в микрофон что-то непонятное, но дико радостное. Юный Эминем прыгает словно мартышка. Мне нравилось абсолютно всё. Потому что не Кобзон и не «Самоцветы».

Проблема была только в том, чтоб услышать любимую песню. Включаешь телевизор часа в два. А там – 53-е место. А Хэтфилд на 23-м. То есть тебе как минимум часа три надо ждать, с нетерпением поглядывая на часы. А потом прибегаешь с улицы, щёлкаешь кнопкой, а там уже 22-е. И Элтон Джон, чтоб его мультяшные львы сожрали.

Или ещё хуже – пришёл ты вовремя, а бабушка сериал смотрит «Богатые тоже плачут». И попробуй отбить у неё даже пять минут эфирного времени, потому что телевизор в доме один. Какой Хэтфилд? Тут Марианна Вильяреаль память потеряла и ребёнка. Ну того, который Бето! Блин, этот Бето такой толстомордый слон, что его легче потерять, чем прокормить.

А потом у бабушки на заводе была какая-то распродажа, и она принесла домой чудо местного завода «Измеритель». Пишущий двухкассетник «Интернейшнл». Это было что-то из космической техники. Блеск моих «Карпат» померк. Впрочем, пользоваться новым магнитофоном мне не

разрешили, поломаешь ещё. Зато можно было под присмотром бабушки записывать с телевизора полюбившиеся песни.

Но и тут случился казус. Никаких микрофонов и проводов магнитофону не полагалось. Сверху было квадратное функциональное отверстие. Его следовало приближать к динамику телевизора и таким диким образом записывать. Естественно, на фоне Хэтфилда постоянно слышались посторонние звуки. Телефонные звонки, топот соседей сверху и бабушкино: «Павлик, иди кушать!» Ещё и МТВшные дельцы, гады, полностью песни не крутили, а обрезали последние минуты, а то и целый куплет. Видимо, как раз для того, чтоб такие стихийные пираты, как я, песни не воровали. Поэтому я только в середине двухтысячных услышал, о чём допела красавица чудовищу Мит Лоуфу (это полный такой рокер, совсем не красавица, он в клипе играл как раз чудовище).

Однажды утром я пришёл в школу. Вторым уроком у нас была музыка. Ну вы помните эти постыдные и бесполезные сорок пять минут один раз в неделю. Когда тебе невероятно скучно выслушивать про Бетховена и Брамса, а потом так же невероятно стыдно петь хором что-то детско-патриотическое.

Прихожу я в кабинет музыки пораньше, пока одноклассники возятся в коридоре, а там наша молоденькая учительница что-то слушает с проигрывателя. Крутится огромная чёрная пластинка, а из динамика...

А из динамика шикарная музыка. Какой там Брамс, Бет-

ховен. Что-то роковое, но на русском. И слова хорошие, за душу берут.

– Что это? – чуть ли не шёпотом спрашиваю я.

Учительница вздрогнула и очнулась.

– А-а, это ты, Паша. Уже урок? Ты что-то спросил?

– Я спросил, что это играет?

– Это рок-опера «Юнона и Авось» Рыбникова. Понравилась?

Стоял бы рядом со мной Мишка, я бы, конечно, ответил отрицательно. Но мы были одни, поэтому я кивнул.

– Да, замечательная вещь.

– Хочешь ещё раз послушать?

Я снова кивнул. Но тут в класс шумной толпой ввалились мои одноклассники, нам стало не до разговоров.

После урока я осторожно подошёл к учительнице, набрался храбрости и сказал:

– А дайте мне пластинку домой. Я перепису на кассету.

«Музычка» посмотрела на меня с удивлением.

– Ну, бери. Только осторожно, не поцарапай.

Какое поцарапай, я старался в сторону пластинки лишний раз не дышать.

Пришёл домой и тут же бросился к соседу.

– У тебя же есть проигрыватель для пластинок?

– Валялся где-то.

– А дай мне на пару часов.

– Дай, – хмыкнул сосед. – Ты видел этот проигрыватель?

– Видел, – удивился я. – Большой, конечно, но дотащу.

– Это только сам проигрыватель, хихикнул сосед. – А колонки?

– А что колонки?

Сосед кивнул на две огромные тумбы, которые я несколько лет искренне считал декоративными элементами мебели.

– Вот. Колонки.

Я чуть не надорвался, но перетащил к себе проигрыватель, колонки и ещё какие-то провода. Соединил в комнате в страшную паутину. Прислонил к динамику «Интернейшнл» и дрожащими руками распаковал подаренную на день рождения новенькую кассету на 60 минут. Запустил проигрыватель и на цыпочках вышел в коридор. Возвращался два раза. В первый, чтоб перевернуть кассету, во второй, чтобы поставить новую, только что купленную. Сама опера ведь почти полтора часа, а кассеты по 60 минут.

С последними аккордами «Аллилуйи любви» я выдохнул. Выключил проигрыватель и вставил первую кассету в магнитофон.

Качество было ужасное. Динамики хрипели, выли. Магнитофон записал, как я заходил в комнату и топал как слон. Но запись была у меня. И я уже до дыр заслушивал «Ты меня на рассвете разбудишь».

Мишка меня не понимал и смеялся. У него валялась дома кассета «Морбид Эйнджел», и ничего легче он не признавал.

А я до сих пор «Юнону» люблю, «Суперзвезду» тоже. Да-

же, прости Бетховен, «Кошек». Первая песня, которую я выучил на гитаре, была, конечно же, «Ты меня на рассвете разбудишь».

Сейчас всё доступно и просто. Недавно я приволок домой проигрыватель. Именно такой, как в детстве, с колонками. А потом побегал по городу и достал в музыкальных магазинах настоящую пластинку с «Юноной и Авось». Таковую же, как тогда. С тем же запахом. И сел вечером слушать, выгнав родных в другую комнату.

Незабываемые впечатления.

«У кошки четыре ноги», или История современного беспризорника

Некоторое время назад стучится ко мне в социальную сеть незнакомый парень. Думаю, кто-то из читателей открыл для себя Доктора Лобанова и хочет пообщаться.

– Здравствуйте, – пишет незнакомец. – А вы меня не помните?

Внимательно разглядываю фотографию. Нет, точно не помню. Место жительства собеседника – белорусская столица, но нас тут уже почти два миллиона, да и с моей памятью на лица узнать кого-то с кем неделю назад беседовал – это уже достижение.

– Вы же работали в начале двухтысячных в больнице на Уральской?

– Работал, – отвечаю. – Учился в универе, а в больнице санитаром подрабатывал. По ночам.

– А помните, к вам мальчишку привезли, беспризорника. Вы с ним ещё на крыльце курили?

В памяти начали появляться какие-то проблески.

– Ну допустим, – отвечаю.

– Так я и есть тот самый беспризорник! – радостно сообщает незнакомец. – Я вас тогда по фамилии на бейджике запомнил. Фамилия не самая распространённая. А тут наткнулся в интернете, решил уточнить – вы ли это.

– Я, – подтверждаю. – Как вообще дела?

– Теперь уже хорошо. Слушайте, а напишите про меня рассказ.

– Да я уже и не помню почти ничего, – засомневался я.

– А я вам сейчас напомним.

И напомнил. Точнее, с самого начала поведал свою историю. Добавил деталей, о которых я не знал. И получился следующий рассказ. Имена с разрешения участников изменил.

Родители развелись, когда Кириллу было лет пять, не больше. Отец как-то сразу исчез, уехал в другую страну и не появлялся даже на день рождения сына. Высылал откуда-то издалека непонятные и ненужные подарки. Мать демонстративно бросала их на пол.

– Лучше бы денег прислал!

Расстались родители плохо.

Мать быстро нашла отцу замену. Огромного и громкого Ивана Петровича. Отчим владел на рынке несколькими ларьками, был шумным любителем выпить на кухне хорошей водки в неограниченных количествах, владельцем модного «мерседеса» стального цвета, хозяином жизни. Кирилл с матерью переехали в его большую квартиру и зажили новой семьёй.

К пасынку Иван Петрович относился не то чтобы плохо, но как-то равнодушно. Ходит по дому что-то мелкое, незаметное, ну и пусть ходит, лишь бы не мешал. Завели огромную и дурную собаку – афганскую борзую Лайму. У Кирилла

появилась постоянная обязанность – в любую погоду утром и вечером выгуливать псину по часу на улице. Мальчик и собака сразу же невзлюбили друг друга. Только выйдя на улицу, Лайма с диким лаем срывалась с места, обжигая ладони поводком, и уносилась в неизвестном направлении. Следующий час Кирилл бегал по дворам, искал борзую, а отыскав, устраивал на неё охоту. Нужно было поймать волочащийся за собакой поводок и притащить Лайму домой. Борзая издевалась, подпускала мальчишку совсем близко, но как только он нагибался за поводком, включала суперскорость и снова уносилась вдаль.

По утрам из-за собаки Кирилл нередко опаздывал в школу. Приходил весь в грязи, набегавшись по лужам за коварной псиной. Получал ни за что.

Когда у матери и отчима родилась общая дочь, стало хуже. Катя – копия Ивана Петровича. Такая же светловолосая, круглолицая, крупная. А Кирилл чернявый, смуглый, худой – вылитый отец. Лишнее напоминание о другом мужчине.

Начал Иван Петрович на пасынка покрикивать. Бывало и по шее даст. Попадало за школу, за грязные штаны, да любую мелочь. А Катю чуть ли не с пелёнок заваливали подарками, всё прощали, возили на концерты и самые дорогие кружки. Отмечать четырёхлетие с толпой подружек в ресторане – пожалуйста. На Новый год игрушку стоимостью в докторскую зарплату – ничего для доченьки не жалко. Изрисовала дневник брата фломастерами – так это не она виновата, а ты, де-

бил, дневник куда попало бросаешь!

Кирилл молчал. В семейной иерархии он был ниже всех. Даже Лайма пользовалась большими привилегиями.

Внешне в семье всё было хорошо. Дети одеты, обуты, накормлены. В квартиру приходили учителя с проверками, восхищенно рассматривали обои с шелкографией, дорогую технику, какие-то безумные ковры. У Кирилла – своя комната, набор игрушек, учебных принадлежностей. Одежда, конечно, с рынка, но не от китайских соседей, а от дяди Амира. А дядя Амир дешёвую фигню из своей Турции не привезёт, потому что должен Ивану Петровичу денег. Учителя рассказывали родителям, что Кирилл плохо общается со сверстниками, плохо учится, не идёт на контакт. Учителя уходили с чувством выполненного долга, а отчим брался за ремень.

Однажды в октябре отчим пришёл в домой в плохом настроении. Не ладилось с бизнесом, партнёры пытались выгнать его из дела. А тут Кирилл подвернулся под руку. Иван Петрович выпил для затравки стакан водки и начал на пасынка орать. Мол, учится плохо, под ногами путается, за собакой и сестрой совсем не смотрит. Наоравшись, сел ужинать. Кирилл тихонько выскользнул в прихожую, где на вешалке висела дублёнка отчима. А из кармана торчал «лопатник» с дневной выручкой. С колотящимся сердцем Кирилл потянул кошелёк на себя. Несколько рублёвых бумажек. Пачка долларов, перевязанных резиночкой. Купюр немного, но все крупные, сотенные. Кирилл сгрёб деньги в

карман, оделся, неслышно открыл дверь и выскользнул на улицу.

Первые недели две он жил в подвале собственного дома. Ещё первоклассником вычислил, что внешне монолитная фанерка в подвальном окне легко сдвигается. А там – почти комната с тёплой трубой. Можно спать, укрывшись курткой. Уже через три дня, наголодавшись и замёрзнув, Кирилл пожалел о побеге. Пробирался вечером к дверям собственной квартиры, слышал, как в тёплых комнатах ходят и разговаривают мать, сестра, отчим, как ворчит, почуяв его, борзая Лайма. Рука сама тянулась к звонку. Но не звонил. Боялся отчима.

Хуже всего было даже не с едой. Поначалу хватало рублей. Потом стал потихоньку разменивать доллары. Кирилл понимал, что если в обменнике объявится грязный мальчишка и протянет сто долларов, то его тут же повяжут. Вычислил возле магазина мужичка с добродушной физиономией, попросил поменять. Первая сотенная купюра ушла в закат вместе с добродушным мужичком. Вторую поменяли толстая тётка с подвыпившим мужем.

На полученные деньги Кирилл наконец-то сходил в общественную баню. Именно с чистотой была проблема. Уже через три-четыре дня от него пахло подвалом, в метро и переходах сторонились прохожие, подозрительно косились милицейские патрули.

Ещё через неделю оставаться в подвале стало опасно. Со-

седей с первого этажа кто-то подтопил, и в убежище нагрели сантехники. Кирилл едва успел сбежать.

На улице холод собачий, середина ноября, дождь, слякоть. Надо где-то ночевать. Придумал вот что, приезжал на вокзал, покупал билеты на поезд, который всю ночь неспешно тянулся до Гомеля или Полоцка. Брал сразу два, сообщая кассирше:

– Это для меня и для бабки.

– А где отец? – обычно равнодушно спрашивали кассирши.

– Да за пивом пошёл, – беспечно отмахивался Кирилл.

Грязноватый, очевидно сельский мальчишка едет с бабкой на периферию, его отец покупает пиво, чтоб не скучать в дороге. Обычное дело, какие уж тут подозрения. Билеты продавали быстро и без лишних вопросов. Кирилл устраивался на полке в плацкартном вагоне и засыпал. Потом весь день бродил по чужому городу, а вечером брал билет обратно в Минск.

Его, конечно, искали. Сразу же написали заявление в милицию, отчим поднял знакомых «бандитов». Но Кирилл особо не светился. Прятался, не вызывал подозрений, купил сменный комплект одежды. Вот только промок под дождём, простыл сильно, кашлял по ночам на весь вагон. Бабка как-то пристала с разговором – куда, мол, едешь, где родители? Набрехал ей с три короба. Поверила, даже пирожками с капустой накормила.

Попался случайно. Уличная жизнь вымотала, не мог толком поесть дня два, не выспался, был в каком-то полуобморочном состоянии. Прыгнул из вагона на вокзале, попал ногой в заледеневшую лужу и хлопнулся головой об асфальт. Тут же набежали сердобольные прохожие, начали поднимать. А у него висок рассечен об асфальтныи неровности, кровь течёт.

– Где родители?! – кричат.

А какие родители? Примчался патруль, вызвали скорую. Трясут Кирилла, где родители, где живёшь? А ему уже всё равно, молчит, смотрит на всех безразлично.

Почему его посреди ночи приволокли к нам в больницу, я уже не помню. Приёмное отделение едва затихло, пациенты заснули, в коридорах только медсёстры корпели над пухлыми бумажными пачками. Я сидел на подоконнике, смотрел на улицу, думал о том, как бы не завалить первый коллоквиум по анатомии. А тут вваливается в дверь целая делегация. Впереди – три милиционера с дубинками-пистолетами, между ними – как особо опасный преступник – худющий грязный мальчишка лет двенадцати. На голове у мальчишки бинт, а сбоку уже проступает красное. За ними – «скоряки».

Невролога, педиатра, дежурного лаборанта. Привычная круговерть. Где-то в середине всего этого дурдома мальчишка остался со мной наедине. Ну как наедине – рядом с нами постоянно маячил рослый сержант, но он в разговор не вмешивался, больше молчал.

– Можно мне покурить? – хрипло спросил мальчишка.

Милиционер равнодушно пожал плечами. Я протянул пачку, мы вышли на крыльцо.

– Сбежал? – спрашиваю.

– Ага, – кивнул беспризорник.

– Давно на улице?

– С октября.

– Однако, – я поёжился, поглядев на декабрьские сугробы. – Лучше бы летом.

– Точно, – согласился со мной Кирилл.

– Родители есть?

Парень вздохнул.

– Есть. Уже позвонили им. Едут.

– Что, так плохо?

И тут его прорвало. Пока к больнице мчались мать и отчим, он, запинаясь и размазывая по лицу слёзы, рассказал мне и про подлую собаку Лайму, и про сестру, и про отчима. Про дублёнку с «лопатником» и подвал. Почему мне? Кто его знает. Был бы, наверное, на моём месте кто-то другой, ему бы тоже рассказал. Сержанту тому же, который курил сигарету за сигаретой и вроде бы смотрел в сторону, но у самого пальцы тряслись.

Поговорили. Кирилл с сержантом опустошили мою пачку сигарет, парень выплакался и немного успокоился. А тут в приёмное ворвался шумный Иван Петрович. Кирилл сник, опустил плечи и пошёл сдаваться. Начались крики, вопли,

рыдания. Раза два милиционеры висли на вошедшем в раж «родителе», не давая ему добраться до пасынка.

Что было дальше, я не знаю, а сам Кирилл рассказывать не захотел. После девятого класса он сбежал из дома уже официально. Поступил в какое-то училище, там ему дали общежитие. Теперь у него всё хорошо.

Историю мы с ним, конечно, слегка переделали, чтоб даже случайно не дошло до тех, кому о ней не надо слышать. Но сегодня он рассказ о себе прочтёт.

Курить мы, кстати, оба бросили.

Пастух

В пять лет я впервые стал пастухом. Это получилось совершенно случайно и неожиданно. Бабушки мои были типично городскими жительницами, домиков в деревне не имели, поэтому лето моё традиционно проходило на раскалённых асфальтовых площадках и пыльных стройках. В этом была своя особенная прелесть, и я до сих пор не могу спокойно пройти мимо строящегося здания. Хочется перелезть через забор, вдохнуть запах цемента, наковырять серой оконной замазки, получить по шее от сторожа.

С трудом себя останавливаю. Я уже взрослый дядька, мне несолидно получать от сторожа.

Но рассказ не про это. В связи с городскими бабушками деревенские пасторали в виде парного молока, русской печи и купания в озере были для меня далеки и непонятны. Тут маме дали отпуск, а в деревне, в полусотне километров от города нашлась троюродная бабушка, которую я видел крайне редко. Бабушка – это всегда бабушка, несмотря на отдалённость родства. Нас радушно позвали в гости, пожить пару месяцев на экологически чистых продуктах и свежем воздухе.

– Павлик, вон зелёный весь в вашем этом городе, – весело сказала троюродная бабушка. – И худющ-щ-щий. Поест, загорит, накупается. Приезжайте.

И мы поехали.

Помню свой восторг от всего происходящего. В деревне был самый настоящий зоопарк. Свиньи, собаки, кошки, коровы. Они совершенно свободно разгуливали по улицам, купались в пыли и песке неасфальтированных дорог, с визгом разбегались из-под колёс редких тракторов. В городе, стоило мне наклониться, чтобы погладить бродячую кошку, мать бросалась ко мне:

– Не трогай! Она может быть заразная или блохастая!

В деревне я мог гладить любого кота сколько угодно. Некоторые меня даже царапали. С бабушкиным петухом у меня разгорелась настоящая война, куры, под ноги которым я сыпал зерно, напоминали послушную армию, а особо ушлый цыплёнок так обнаглел, что устроился подремать на моих коленях. Утки, гуси, воробьи. Стрекот журавлей и соловьиные трели. Хищный то ли коршун, то ли ястреб, который кружил над крышей в поисках зазевавшегося птенца. Разговоры о том, как в лесу обнаглели лисы, а возле соседней деревни видели волка. Природа.

В крошечном сарайчике обитало страшное чудовище. Огромная «ароматная» свинья. Мне строго-настрого запрещалось заходить в сарай без бабушки. Пугали тем, что свинья может меня сожрать. Однажды я вооружился толстой веткой, вопреки запрету пробрался в сарайчик, подставил чурбачок и осторожно заглянул через доски перегородки. Свинья хрюкнула и уставилась на меня в ожидании. Она бы-

ла просто огромная, раза в два тяжелее меня, вся розовая, покрытая жесткой белой шерстью. А пяточок у неё был голый, мокрый. К нему прилипли желтоватые опилки и солома. Долгую минуту мы со свиньёй смотрели в глаза друг другу. Наконец ей надоело ждать, когда я принесу себя в жертву её неуёмному аппетиту, и она выжидательно хрюкнула.

Я чуть не свалился с чурбачка. Чудище настойчиво требовало жертвы. А в руках у меня ветка, уже казавшаяся смешной и тонкой.

Выбора не оставалось. Или бросаться в пасть чудовищу самому, или отдать своё единственное оружие. Я вздохнул и бросил ветку свинье. Чудище понюхало подношение, задумчиво приподняло его с пола и вдруг яростно захрустело. Ветка мгновенно исчезла в пасти, а я сумел сбежать. С тех пор не заходил в сарайчик без бабушки. Я поверил в то, что свинья может меня сожрать.

Каждое утро бабушка поднималась раньше всех, выгоняла в общее стадо корову, а потом ехала на велосипеде на работу на местный хлебозавод. Мы с мамой поднимались гораздо позже, завтракали и шли гулять, открывая для себя каждый раз что-то новое и интересное. Вечером коровы возвращались, подгоняемые пастухами. Сами находили калитки своих домов, заходили во дворы, мычали, вызывая хозяек. Меня всегда это удивляло. Как корова узнаёт, что это именно её дом? Я и то иногда путал бабушкин дом с соседским и стучался не в ту дверь. Неужели корова умнее меня?

Бабушка встречала корову, вела её в сарай, доила, тут же наливая мне огромную кружку молока. Молоко мне не особо нравилось. Я предпочитал городское, из бутылки, разбавленное и почти безвкусное. Но бабушка смотрела на меня с таким умилением, что я мужественно выпивал всю кружку. И улыбался, чтобы сделать ей приятное.

Однажды в своих путешествиях мы с мамой забрели за деревенскую околицу и оказались на поле, где паслось стадо. И вот тут я понял, кем хочу быть, когда вырасту. Работа пастуха казалась мне мечтой. Сиди целыми днями на тёплой травке, помахивай прутиком и посматривай на небо. А коровы сами себе пасутся. Не жизнь – сказка. Можно книжки читать, можно просто лежать, думать о чём-нибудь своём. И тебе за это ещё настоящие деньги платят.

Я подсел на невысокий холмик к пастуху, серьёзному взрослому дядьке пятнадцати лет и проболтал с ним часа два. Это мне тоже очень понравилось. Пастух пообещал покатать меня на велосипеде, свозить на речку, а если я достану сигарет, то научить курить. Я признался ему в вечной дружбе и хотел уже навеки покинуть родительский дом и перебраться жить к новому приятелю, но тут за мной пришла мама и утащила обедать.

Наутро, чуть свет, я подскочил и бросился к стаду, чтоб увидеть своего друга. К моему разочарованию, на вчерашнем холмике сидела абсолютно незнакомая чужая тётка, смотревшая на меня с подозрением.

– А где пастух? – робко спросил я.

– А тебе кого надо? – нахмурилась тётка. – Сегодня я за пастуха.

Я раскрыл было рот, чтоб рассказать о своём друге, но вдруг с ужасом понял, что даже не знаю, как его зовут. Он, наверное, вчера представлялся, но я то ли пропустил мимо ушей, то ли забыл.

– Так чего ты хочешь, хлопчик? – добила меня вопросом тётка.

Я струсил и сбежал.

Пару дней я ходил и мучился. Желание снова оказаться среди стада боролось во мне со страхом перед чужой тёткой. Наконец я решился. После битвы с кровожадным чудищем-свиньёй мне было ничего не страшно. Привычно вооружился толстой веткой и отправился в дальний поход к полю.

Вместо хмурой тётки сидел какой-то незнакомый мужчина. Я быстро втёрся к нему в доверие и начал расспрашивать про своего потерянного друга.

– Пару дней назад? – переспросил пастух. – А-а, это, наверное, Витька Шиткин дежурил. Их очередь была.

– Что значит очередь? – осторожно уточнил я.

И тут мне поведали простую и эффективную схему. Оказывается, стадо было не колхозное, охраняемое профессиональными пастухами, а деревенское. Поэтому пасли его по очереди. Каждый дом – один день. Домов в деревне с полсотни, значит, мой новый приятель Витька вернётся на поле

не раньше следующего месяца.

– А то и вовсе мамка за него выйдет, – расстроил меня пастух.

Я замолк, задумавшись о коварной судьбе и коровьей очереди, разлучившей меня с другом. Потеря казалась серьёзной.

Но в те годы долго задумываться над проблемами я не умел. И уже через полчаса оживлённо болтал с пастухом. Ему, видимо, было скучно, и он охотно отвечал.

На следующий день я познакомился с парочкой нетрезвых братьев, которые к обеду допили то, что принесли с собой, и заснули. Послушные коровы наелись и в назначенное время, как по будильнику, потянулись по домам. Пастухи проснулись ближе к ночи.

Потом была невнятная старушка в платочке. С ней было скучно, она напевала себе под нос какие-то заунывные песни и не хотела разговаривать. Потом опять весёлый мужичок с перегаром. Смешливая девчонка с велосипедом. Кучка пацанов чуть старше меня, дерущих нос перед «городским».

Мои походы за стадом становились всё продолжительнее, приключения всё смелее. Однажды кто-то поджёг сухую траву на краю поля. Я заметил огонь и дым, бросился тушить пожар. Было очень трудно, потому что по деревенской традиции я был босой и не мог затапывать коварные огоньки ногами. Воспользовался испытанным оружием. Подобрал толстую ветку и принялся бить ей огонь. Пожар шипел на меня,

пожирая травинку за травинкой, но сдаваться не собирался. В тот вечер я вернулся домой насквозь прокопчённый, чумазый и с волдырями от ожогов на руках. Бабушка, услышав мой сбивчивый рассказ о битве с огнём, набрала из колодца ведро воды и одним махом решила все проблемы.

Огонь зашипел обиженно и умер. Эта притча, кстати, об эффективности распределения ресурсов в решении конкретной проблемы.

За то лето я, наверное, перезнакомился со всей деревней. Рассказывал им свои немудрёные детские секреты, а они в ответ говорили о чём-то своём. Жаловались на внуков, которые не приезжают, сетовали на начальство, переживали за урожай.

Не знаю, откуда появилась эта мысль. Наверное, кто-то из собеседников пожаловался на одиночество, и я вдруг задумался. Мама-то у меня тоже одна. Это если не считать меня, но я ведь ещё маленький. Отец где-то был, но виделись мы всё реже. Я уже и забывать его стал.

Родители тогда уже развелись, поэтому я всерьёз озадачился маминой судьбой и решил выдать её замуж.

Решил – надо делать. И я начал присматриваться к кандидатам в отцы и мужья. Выбирать надо осторожно. Кого? Ну конечно же пастуха, это же работа мечты, вы помните?

В первый же день мне повезло. Стадо на поле выгнали целых два перспективных кандидата.

Первый из пастухов мне при ближайшем изучении не по-

навился. Был он какой-то помятый, небритый. И, что самое главное, злой. Не захотел со мной разговаривать, а сразу же накрылся своей телогрейкой и захрапел на всю округу.

Второй в этом плане выглядел гораздо интереснее. Старый, конечно, лет тридцать, не меньше. Но весёлый.

– Гриша, – с ходу он пожал протянутую руку и пустился в рассказ о каких-то пойманных щуках и утреннем клёве.

Я сидел рядом, смотрел на него и представлял, что этот человек будет жить в нашей квартире, чинить выключатель, который вечно не хочет включаться, выносить мусор, менять лампочки. А по утрам обязательно пасти стадо. Где в городе предполагаемый кандидат должен был найти стадо, меня не волновало.

Примерно к полудню я перебил оратора неожиданным детским вопросом:

– Гриша, у тебя жена есть?

Пастух поперхнулся и посмотрел на меня с удивлением.

– Нет, а что?

– Да мне нужно мать пристроить, – солидно сказал я. – Сидит одна.

– А сколько лет матери? – осторожно спросил Гриша.

– Немолода уже, скоро двадцать пять стукнет. Но симпатичная. И ещё у нас квартира в городе есть, – зашёл с козырей я.

– Квартира? – почему-то этот вопрос заинтересовал Гришу больше всего. – А сколько комнат?

– Две. Было раньше три, но когда отец ушёл, он одну комнату забрал.

Гриша не стал вдаваться в подробности раздела имущества при разводе моих родителей.

– Красивая, говоришь? А кем работает?

– Учителем музыки. Детей учит на пианино играть.

– Вы тут у кого живёте?

– У бабушки Дины. Вон её дом. Крыша зелёная, – я махнул в сторону деревни.

И принялся расписывать прелести нашей совместной жизни, строить далеко идущие планы.

Не помню уже, чем я его уломал. То ли красотой своей матери, то ли привилегированным положением городского пастуха. Короче, когда солнце покатилося к закату, Гриша растолкал своего хмурого напарника:

– Василич, гони стадо без меня.

– А что так? – сразу разозлился второй пастух.

– Дело у меня есть. Надо пацана домой отвести, – не моргнув глазом соврал Гриша.

Я хотел было встрять с замечанием, что меня не нужно никуда отводить, сам дорогу отлично знаю. Но благоразумно промолчал.

– Ну иди, – недовольно сказал Василич.

И мы двинулись к дому под зелёной крышей.

– Пойдите здесь, – я оставил будущего отца в сенях, справедливо решив, что нужно подготовить мать к надвигающе-

муся счастью.

В доме Гриша как-то потерял всю свою храбрость. Мялся у порога, тискал в руках кепку, с опаской поглядывал по сторонам.

– Можно посидеть на табуретке, – вежливо предложил я.

– Ничего, я постою, – хрипло сказал пастух.

Я бросился в дом, плутая в поисках матери между кухней и печкой. Она обнаружилась в дальней комнате за какими-то хозяйственными делами.

– Мать, – сказал я серьёзным тоном. – Пойдём в сени. Дело есть.

– Какое дело? – удивилась мама.

– Я себе нового отца нашёл.

Мать чуть утюг не уронила.

– Где нашёл?

– На поле. Стадо вместе пасли, – я с нарочитой небрежностью пожал плечами. Людям, которые занимаются таким важным делом, как охрана стада коров, не к лицу отчитываться перед женщинами.

– И как его зовут?

– Гриша, – уже нетерпеливо ответил я.

– Меня почему не спросил? – с улыбкой поинтересовалась мама.

В лучших традициях Фрунзика Мкртчяна из «Кавказской пленницы» я сказал:

– Мать моя. Жених – согласен. Я – согласен. Дело за ма-

лым. Готова ли ты стать счастливой?

Мама выдернула из розетки утюг.

– Ну пойдём.

Я торжественно взял её за руку и повёл навстречу судьбе.

Наши сердца взволнованно колотились.

Но, к моему удивлению и разочарованию, в сенях было пусто. Стояла сдвинутая в сторону табуретка. На пороге подсыхал след от грязного сапога сорок пятого размера. Поскрипывала оставленная открытой дверь.

Гриша сбежал. Из нашего дома и от своего будущего.

Не судьба.

Моё лето пяти лет закончилось и унеслось в прошлое.

Остался в памяти дом под зелёной крышей, пыльная, раскалённая от солнца дорога. Пастухи. Разговоры, новые лица, необычные приключения.

Это было моё деревенское лето. Мои два месяца свободы.

Прошла целая эпоха. Исчезла страна, в которой я жил. Мама моя разочаровалась в городской музыкальной школе и уехала в деревню, поднимать местную культуру. У меня появился тот самый домик в деревне. И поэтому теперь моя дочь может ездить к бабушке на каникулы.

Но в то лето я ещё не думал о дочери, о семье. Мне было примерно двенадцать лет. Я приехал на летние каникулы к маме в деревню. Впереди – три месяца свободы, лета, тепла, солнца. А денег не было. Денег, к слову, не было ни у кого, начинались лихие девяностые.

– Можно заработать, – однажды утром сказала мне мама. – На ферме не хватает пастухов, я договорюсь, тебя возьмут. Пойдёшь?

К началу учебного года мне были нужны новые кеды и, желательно, джинсы. Поэтому я сразу же согласился. Кроме того, где-то в подсознании сидели воспоминания о моём солнечном лете в деревне у бабушки. Мечта о работе пастухом сбывалась.

На следующий день я пришёл в колхозное правление, подписал какие-то бумаги, поставил свою фамилию в длинном табеле.

Посреди ночи зазвенел будильник. Я с удивлением посмотрел на него. Чего он звенит? Каникулы же. Ночь на дворе!

Фосфоресцирующие стрелки показывали почти четыре часа утра. Почему он звенит? Я растерянно посмотрел на стрелки. И тут вспомнил. Мне же на работу. Надо вставать из тёплой постели, идти в темноту. Знакомиться с чужими людьми. А мне уже не пять лет. И знакомиться гораздо тяжелее.

Мать с вечера приготовила мне завтрак. Я затолкал в себя бутерброды, запил холодным чаем и пошёл на ферму. Доярки заканчивали утреннюю дойку. На меня наорали за то, что опоздал, сунули в руки толстую ветку и для ускорения толкнули в плечо.

Мечта детства сбылась.

Через пару дней я понял все скрытые от меня ранее «прелести» этой работы. Мне приходилось каждый день без выходных вставать в полчетвёртого утра, тянуться через всю деревню на ферму, выгонять инертное ревущее стадо. Вдобавок в середине июля зарядили противные затяжные дожди, я мёрз под открытым небом, бесконечно шморгая насквозь простуженным носом. Под дождём я не мог читать, тут же промокали страницы. Я изнывал от скуки. Мой напарник – вечно пьяный деревенский неудачник – периодически выпадал из жизни, а когда приходил на работу, то занимал бесконечными разговорами, которые сводились к тому, сколько он выпил, и кого из деревенских женщин... ну, вы понимаете.

Я отмучился лето, а в следующем году категорически отказался повторять этот опыт. Устроился разнорабочим на зерносушилку. Там были свои «прелести», зато не приходилось вставать в четыре утра.

Иногда мечты должны оставаться мечтами.

Веер из павлиньих перьев

Пашке было отчаянно скучно. Телевизор, заботливо укрытый кружевной салфеточкой, включать запрещалось, компьютера у бабушки никогда не было, а на книжной полке стояли только две скучные книги про Бога и лежала стопка газет, где рассказывалось, как правильно ухаживать за огородом. Из игрушек какие-то страшные лупоглазые куклы с жёсткими синтетическими волосами, с которыми ещё мама играла, да пригоршня затасканных солдатиков-инвалидов, которых Пашка успел перед торопливым отъездом сунуть в карман. И всё. Ни раскрасок, ни машинок.

Дня два Пашка играл с бабушкиным котом. Привязал бумажный бантик к нитке, заставлял кота прыгать за бантиком с пола на табуретку, дрессировал его. Но вскоре Мурзику надоело, что его постоянно отрывают от важных дел, он поцарапал маленького хозяина до крови и сбежал.

Пашка садился на табуретку у окна, смотрел на летний, изнывающий от жары двор, по которому бесконечно ходили куры. Иногда доставал из комода толстый альбом с чёрно-белыми старинными фотографиями. Вот молодая бабушка под руку с незнакомым широкоплечим парнем в гимнастёрке, вот маленькая мама в коротком платьице держит на руках щенка, а вот пустые места на картонных листах с остатками клея и небрежно оборванной бумагой. Места, где были

свадебные фотографии мамы и папы.

– Ну чего ты маешься? – вздыхала бабушка. – Иди на улицу, поиграй. Нас в твои годы было домой не загнать.

Пашка слабо понимал, как бабушка жила в «его годы». Он почему-то представлял сухонькую сморщенную девочку с седыми волосами. Родители девочки с палками бегали по деревне, загоняли её домой, а она пряталась в пересохшей канаве, в густых зарослях орешника, на чердаке.

Пашка покорно тянулся на улицу. Там тоже было скучно и жарко. Над потрескавшимся асфальтом дрожал воздух. От хлева, где повизгивает поросёнок, неприятно пахло. В деревне, кроме него, не было ни одного ребёнка. Соседи – сплошь ворчливые, вечно занятые старики. Копались на огородах, пасли своих бодливых коз, кормили кур. Разговаривали скучно, одинаково. Одинаково удивлялись, как он вырос за год, одинаково расспрашивали о маме. Пашка попытался завести знакомство с дедом Степаном, соседом слева. Дед показался интересным, показал Пашке свой старый мотоцикл, обещал покатать, когда починит. Весь вечер они провозились с какими-то железками. Пашка выучил много новых слов. «Аккумулятор», «карбюратор» и ещё несколько, которые бабушка категорически запретила повторять! Вывозился так, что даже нос был чёрный, в машинном масле. Бабушка грела воду в тазике, ворчала и отмывала внука. А наутро пришёл радостный Пашка к деду в гости, весь в предвкушении продолжения вчерашней интересной игры, а у то-

го в хате дым коромыслом, на столе и под столом пустые бутылки. А сам дед Степан валяется в одежде на продавленном диване, храпит на весь дом. И пахнет в его комнате противно, кисло.

– Запой, – вздохнула бабушка.

И запретила Пашке к деду ходить.

* * *

Родители разводились всю зиму. Ругались, делили каждую мелочь в квартире. Устраивали истерики из-за лишней тарелки, давно ненужного вазона. Припоминали друг другу застарелые обиды, чуть ли не со времён первого знакомства. Кто-то когда-то не подарил кому-то букет, кого-то даже на свадьбе лапал свидетель, а кто-то испортил всю жизнь и отнял лучшие годы. Пашка вздрагивал от их криков, прятался под кровать, плакал. Его не замечали. Родители как-то в один миг забыли про то, что он существует, что он тоже живёт рядом. Казалось, ещё вчера они вместе отправились в кино смотреть новый мультик, и Пашка ехал у отца на плечах, а мама шла рядом и улыбалась. Было воскресенье, лето и праздник. Теперь родители не улыбаются. И в кино давно не ходят. Целыми днями только и делают, что кричат друг на друга с красными страшными лицами. За окном идёт бесконечный мокрый снег. И отец постоянно курит на балконе. А мать плачет в ванной.

К лету родители устали от постоянных ссор. Развод, как это ни странно, примирил их. Оставались сущие мелочи. Разменять квартиру, растащить по своим углам поделенную мебель. И Пашка мешал в этом позорном, местами постыдном признании краха семьи. Поэтому его быстро спланировали в деревню к бабушке. Так быстро, что даже не дали доучиться последнюю школьную неделю, не дали проститься толком с друзьями и одноклассниками. И это было вдвойне обидно, потому что вскоре мама позвонила по телефону и сказала, что в новый класс он пойдёт в другую школу, в другом районе. И бабушка кивала головой и повторяла: «Ну и правильно, и пусть, и начнёте всё сначала...»

Бабушку Пашка, в принципе, любил. Она всегда приезжала с какими-то гостинцами, вкусными ягодами, упрятыными в банки. Дарила хорошие игрушки, играла с ним в карты, слушала его бесконечную болтовню. Маленький Пашка доверял ей свои глупые детсадовские секреты. Кто кого в группе любит, кто с кем держался за руку на прогулке. И бабушка улыбалась в ответ на его истории:

– Ишь ты. Жених.

Но этим летом бабушка была какая-то сердитая. Постоянно ругала отца, а когда Пашка попытался за него вступить, то впервые в жизни накричала на внука и отвесила подзатыльник. Пашка разрыдался и убежал во двор. Прятался на сеновале, зарывшись в колючие, пыльные стебли. Бесконечно плакал и хотел умереть, чтоб все потом поняли и узнали.

И говорили о нём, но было бы уже поздно. Бабушка потом искала его, жалела, кормила ягодами, испекла его любимые блины, достала мёд, открыла раньше срока банку варенья. Но их хрупкий мир был уже безвозвратно нарушен.

* * *

В сенях стукнула дверь, звякнуло ведро. Вошла бабушка и завозилась на кухне. Пашка выполз из комнаты, прислонился к прохладному боку белёной печи.

– Ба-а-а.

Бабушка вздрогнула.

– Тьфу, напугал! Ну чего тебе? Всё сидишь, мух ловишь?

– Скучно, ба-а-аб. Пойдём на речку?

– Пойдём. Обязательно пойдём. Сейчас грядку закончу.

Потом надо будет козу подоить, свинёнка покормить, кур. А там и пойдём.

– До-о-олго.

– Ну что ж поделать? Это тебе не город, это деревня. У вас в городе забот мало: мусор вынес, пылесосом по полу повозил – и лежи себе на диване, телевизор смотри. У нас тут иначе.

– Да знаю я, – вдруг рассердился Пашка.

– Ишь ты! Знает он. Ну так, коли знаешь, пошли, грядку поможешь прополоть.

– Не хочу, – надулся Пашка.

– Не хочу-у-у, – бабушка выпрямилась, насмешливо поглядывая на Пашку. – Весь в отца.

– Ба-а-аб...

– Ладно, ладно, – махнула рукой она. – Иди уже. Прогуляйся. Часа через два закончу, пойдём купаться.

Целых два часа. Когда ты взрослый, это совсем немного. Всего лишь два круга длинной минутной стрелки по циферблату будильника. Когда тебе девять лет – это целая вечность.

Пашка послушно выполз на яркий солнечный свет. Куда пойти? Налево, к деду Степану? Но тот с утра снова кричал что-то непонятное в своём дворе, размахивал над головой длинной палкой и танцевал в одних тренировочных штанах под только ему слышную музыку. Байкал, дедов цепной пёс, излалялся до хрипоты на своего безумного хозяина. Потом устал лаять и забился в будку. Надо будет ему вечером воды принести. И поесть чего-нибудь, а то дед Степан забыл. Только сделать это необходимо тайком, чтоб сосед не увидел, а то он в своём «запое» страшный какой-то. Да и бабушка ругаться будет. Направо, мимо пустующих домов Сидорчухи и деда Василия? Страшновато. Дед Василий не пережил зимних холодов, и его дом стоял, беспомощно оглядывая редких прохожих чёрными провалами окон. Забор как-то быстро покосился, через штaketник бурно полезли жирные лопухи, густая сорная трава. Сидорчуху забрали в город дети, но она там не зажилилась, лежала сейчас в больнице. Дом её сто-

ял заколоченный, тоже страшный и пустой. Разве что траву пару недель назад покосили. Зато сразу за домом Сидорчухи расстилался огромный ничейный луг. Здесь цвёл клевер, белели россыпи ромашки, гудели шмели, наперегонки прыгали и стрекотали кузнечики, и было хоть немного интересно.

Пашка вздохнул, стиснул зубы и помчался по улице мимо пустых глазниц дома деда Василия. У подгнившего забора заставил себя замедлить шаг. Он уже взрослый, не должен бояться. Но пустые чёрные окна напоминали о смерти. Напоминали, что весёлого старика, вырезавшего прошлым летом маленькому Паше свисток из веточки, больше нет. Он старался отвернуться или зажмуриться, не смотреть в эти страшные, полуслепые окна, но взгляд притягивало словно магнитом. Борясь с собой, глянул мельком, искоса. И тут же показалось, что за стеклом кто-то призрачный машет ему рукой, заманивает в пустой, осиротевший дом.

Конечно, скорее всего, это был пыльный, обеспокоенный сквозняком тюль, но Пашка не стал рассматривать. Взвизгнул от страха и припустил по улице, только пятки засверкали.

Пулей вылетел на луг за домом Сидорчухи. Под подошвами сандалий зашелестели длинные стебли, с недовольным гудением взвились в небо потревоженные шмели, сыпанули в разные стороны кузнечики. Пучок колючего осота рванул за голень так больно, что мальчишка ойкнул и запрыгал на одной ноге. Резко запахло цветами, свежей луговой зеленью.

Пашка вздохнул с облегчением и вдруг замер. Прямо посреди луга стоял кто-то незнакомый. Странная фигура, закутанная то ли в халат из золотистой ткани, то ли в какую-то чудную, волшебную мантию. Солнце било прямо в лицо. Из-за его слепящих лучей казалось, что незнакомая фигура увенчана причудливой, высокой короной.

* * *

Пашка зажмурился и замотал головой.

Кто-то рассмеялся. Смех был юный, совсем не обидный. Словно раскатились по солнечному лугу серебристые колокольчики. Потом зашелестела трава и кто-то подошёл к нему совсем близко.

– Здравствуй, юный рыцарь.

Пашка осторожно приоткрыл один глаз. К нему приближалась чужая, совершенно незнакомая девушка. Её длинные распущенные волосы спускались почти до пояса. В них застряли зелёные травинки и парочка колючих шаров лопуха. Лицо самое обычное, худое и бледное, но огромные глаза какой-то неземной, нездешней глубины манили и притягивали. Перед каждым шагом маленькие босые ступни осторожно раздвигали траву, поэтому казалось, что девушка не идёт, а танцует посреди цветущего луга. Это было настолько завораживающе красиво, что Пашка чуть снова не зажмурился. Незнакомка подошла так близко, что он ощутил её запах.

Запах полуденной травы, полевых цветов, согретой солнцем кожи.

– Здравствуй, – с улыбкой повторила девушка. – Ты умеешь разговаривать?

– Умею, – прошептал Пашка. – Здравствуйте.

Девушка снова рассмеялась. Она была действительно закутана в какую-то странную одежду. То ли халат, то ли кимоно с длинными рукавами. Местами этот халат поблёскивал, словно позолоченный. Местами на нём были вышиты цветы и бабочки. Подол одежды цеплялся за вершинки травы, он был уже весь зелёный от травяного сока, но незнакомка не обращала на это внимания. А на голове у неё был надет обруч из веточек с вплетёнными в прутья зелёными листиками. Именно этот обруч показался Пашке похожим на корону.

– Как тебя зовут, юный рыцарь?

– Э-э-э.

– Ты что, забыл своё имя?

– Нет! Да. То есть, я не забыл.

– Так ты ответишь мне, или обет заставляет тебя скрывать своё истинное имя от мира?

– Пашка я.

– Па-а-ашка, – нараспев повторила незнакомка. – Хорошее имя.

– Я тут живу неподалёку. У бабушки. Вон наш дом, – Пашка неопределённо махнул рукой в сторону улицы. – А вы кто?

– Я? – девушка улыбнулась краешком губ. – Пожалуй, я

королева.

– Королева? – не поверил Пашка. – Какая такая королева?

Королева – старая старушка в платочке.

– Это другая королева, – снова рассмеялась незнакомка. – Разве я старая? Разве я старушка?

– Не-е-ет, – покачал головой Пашка.

– Вот видишь. Я королева Ангелина. И я не старая.

– Вы очень красивая.

– Ты так думаешь? – королева подняла руки, посмотрела на них. – Да, согласна с тобой. Я красивая.

– А что вы тут делаете?

– Гуляю. Очень красивый луг. Это владения твоей семьи?

– Не-е-ет, – улыбнулся в ответ Пашка. – Это ничейный луг.

– Ничейный, – девушка замерла, разглядывая букашку, которая решила поползть по золотистому рукаву. – Это хорошо, что ничейный. Это правильно.

Букашка расправила прозрачные крылышки и улетела по длинной дуге. Девушка проводила её долгим внимательным взглядом.

– А где вы живёте? – спросил Пашка.

– Сейчас я живу здесь, на лугу, – девушка взмахнула рукой, очерчивая широкий полукруг.

– Но как? Нельзя же так, на лугу!

– А почему? Разве здесь плохо? Трава мягкая, солнце тёплое.

– Нет, не плохо. Но вдруг дождь пойдёт. Или ночью холодно будет.

– Тогда я пойду во дворец.

– В какой дворец? – растерялся Пашка. – У нас никакого дворца нет.

– Ну как же. А это что? – королева указала на дом с заколоченными окнами.

– Это же дом бабушки Сидорчихи. Она тут живёт. Просто уехала к сыну в город.

– А ты наблюдательный, юный рыцарь! – рассыпалась в смехе королева. – Я немного знаю сына владелицы дворца. Они пустили меня в свои покои пожить. Пока лето и в городе жарко.

– А где вы с ним познакомились?

– Ну где знакомятся королевы и владельцы земельных наделов? На балу, конечно же.

Пашка плохо представлял себе толстенького Николая Петровича, танцующим на балу, но обижать недоверием волшебную девушку совсем не хотелось.

– Поня-я-ятно, – вздохнул он.

– Что тебе понятно? – королева стремительно нагнулась, сорвала длинный стебель одуванчика и, словно невзначай, задела Пашку цветком по самому кончику носа.

– Ой! – Пашке стало щекотно, и он сморщился.

– А нечего. Будешь приставать – я тебя заколдую, – пообещала девушка.

– Не надо, – поёжился Пашка. – Я не буду приставать.

– Тогда пошли чай пить, – предложила королева.

– А с чем?

– У меня конфета есть, – Ангелина подняла руку, и Пашка увидел, что за широким рукавом одеяния скрывалась небольшая сумочка из потёртой коричневой кожи. – Любишь конфеты?

– Люблю, – не стал скрывать Пашка. – Шоколадная?

Королева задумалась.

– Не уверена. Но там посмотрим.

Они подошли к дому Сидорчухи, королева открыла калитку, протанцевала через заросший подорожником и лопухами двор к самой двери. Пашка на секунду задохнулся от страха, когда её ступни порхнули над острыми крошками битого кирпича и загнутым ржавым гвоздём. Но девушка не заметила опасности. Завершила танец у запертой двери, пробежала тонкими пальцами по краю косяка.

– Закрыто, – разочарованно вздохнул Пашка. – Как же мы войдём?

Королева хитро подмигнула ему, улыбнулась. Ткнула пальцем в окошко рядом с дверью, и стекло отодвинулось. Ангелина сунула в сумрак веранды длинную, неправдоподобно тонкую руку, что-то щёлкнуло, звякнуло – и дверь открылась.

– Заходи, юный рыцарь. Гостем будешь.

Ангелина ловко и умело растопила печку, поставила на огонь старенький, помятый сбоку чайник. Из своей сумочки она достала несколько обычных пакетиков чая, бросила их прямо в чайник. Туда же сыпанула пригоршню травинок.

– Это для вкуса, – пояснила она. – Где же у меня была конфета.

Она поставила сумочку прямо на липкую клеёнку стола и принялась поочерёдно доставать оттуда разные необычные вещи. Какие-то пуговицы, комочки оплавленного на костре стекла, блески конфетти, серебристые фантики, массивный медный напёрсток, пучок сухих травинок, для чего-то перевязанный яркой тесёмочкой.

– Что это? – любопытствовал Пашка.

– Это, – королева небрежно покосилась на свои богатства, разложенные по всему столу. – Бриллианты и павлиньи перья.

– По-моему, это сухой камыш и какие-то стекляшки. Вот эта зелёная точно от бутылки.

– Ничего ты не понимаешь, – рассмеялась девушка. – Настоящей королеве нельзя выходить из дома без некоторого запаса сокровищ. Мало ли что может случиться.

– А что может случиться? – затаив дыхание, спросил Пашка.

– А-а-а, – беспечно отмахнулась королева. – Драконы там нападут. Или разбойники какие-нибудь. Неприлично оставлять их без подарка. Люди старались, работали. А дракон и обидеться может.

– Сказки какие-то, – недоверчиво сказал Пашка.

– Сказки? – Ангелина подхватила засвистевший чайник, обожглась, брякнула его прямо на середину стола и начала дуть на пальцы. – А разве ты не знаешь, что все сказки на самом деле реальность?

– Скажете ещё.

– Точно-точно. И драконы, и эльфы, и волшебный лес – всё это существует. Оно живёт и радуется жизни совсем рядом с нами. И тоже не верит во все эти ваши электрички, магнитофоны и транзисторы.

– Магнитофоны, – поправил Пашка.

– А-а-а, какая разница, – отмахнулась принцесса. – Придумали тоже чепуху. Музыка в коробке. Когда я хочу музыку, я начинаю петь. Или играть на дудочке.

– А я не умею играть на дудочке, – сказал Пашка.

– Ничего. Это не сложно. Я тебя научу. О, нашла!

Королева бросилась к рассыпанному по столу добру и выудила из его груды большую конфету в красной упаковке.

– Угощайся. Сейчас чаю налью.

Они сидели в комнате за столом, укрытым бурой липкой клеёнкой. За окном уже начинало темнеть, а из открытой форточки тянуло прохладой. Пашка, обжигаясь, пил из шер-

батой, треснутой кружки вкуснящий чай с запахом луга и цветов. Без конца мусолил огромную, почти бесконечную конфету. Трещина в кружке была небольшая, но чай всё равно немного вытекал, и пальцы у Пашки были мокрые. А королева Ангелина пела ему. Или рассказывала какие-то чудесные истории. Про волшебный лес, про дракона, заколдованный дворец посреди города эльфов, где живёт вечный король Элиндиль.

– Завтра пойдём к нему в гости, – пообещала Ангелина.

– К кому?

– К королю, конечно. Ты приведи себя завтра в порядок. Зубы там почисти, причешись. Всё-таки в гости к коронованной особе идём. Нельзя появляться там с грязными зубами.

Ангелина взяла со стола пучок сухих травинок с тесёмкой и принялась обмахиваться им, словно настоящим веером. И делала она это так царственно, что в полумраке Пашке показалось, что она действительно обмахивается шикарным веером из павлиньих перьев. А под обманчивым закатным светом из окна рассыпанные по столу стекляшки заблестели, словно настоящие бриллианты.

* * *

– Ты где вчера до темноты шлялся?

– Угу! – Пашка сидел за бабушкиным столом, давился

огромными кусками бутерброда, которые глотал, не замечая вкуса. Торопливо, задыхаясь, запивал бутерброд молоком и подпрыгивал на табуретке от нетерпения.

– Куда ты так торопишься, оглашённый? – удивилась бабушка. – Подавишься.

– Угм-м-м, – буркнул в ответ Пашка, не переставая жевать.

– И на речку не пошли, – немного расстроено сказала бабушка.

– А-а-а, – отмахнулся Пашка.

– Пойдём сегодня?

Внук затолкал в рот последний кусок, вскочил из-за стола и, дожёвывая на ходу, побежал к двери.

– Кепку не забудь, – крикнула ему вслед бабушка.

Но Пашка её уже не слышал.

* * *

– Лес – это не просто деревья, – рассказывала Ангелина, привычно танцуя босиком по рыжему ковру из прошлогодней сосновой иглицы. – Каждое дерево – живая душа, а лес вместе – это огромное волшебное королевство. Нужно уметь слышать то, о чём говорят деревья.

– А что они говорят? – полюбопытствовал Пашка.

– О-о-о, – улыбнулась королева. – Они болтают бесконечно. Некоторые даже поют.

– Деревья поют? – не поверил Пашка.

– Конечно.

– И сейчас?

– И сейчас.

– Вот бы мне услышать.

– Ничего, научишься. Вон та сосна сегодня за главную, – королева указала на толстый чешуйчатый ствол ближайшего дерева. – Она выводит главную партию. Остальной лес ей подпевает.

Ангелина подошла к сосне, прижалась ухом к желтоватой коре. Пашка тут же пристроился рядом, тоже прислушался. Ему показалось, что где-то в глубине стройного сильного ствола звучит и звучит одна прекрасная и гармоничная нота. И в ответ на эту ноту шелестят ветки соседних деревьев. И даже птицы поют, вторя песне главной сосны.

От коры остро пахнет смолой, летом, жизненной силой. И сосна поёт о лете, о чудесном времени, когда нужно расти, тянуться к небу, давать начало новой жизни.

– Слышу, – прошептал он.

– Замечательно, – девушка погладила сосну по шершавой коре, шагнула в сторону. Прядь волос попала в смолу, приклеилась к дереву, но королева словно не заметила этого. Шагнула ещё дальше, оставляя дереву несколько светлых волосков.

Потом она прищурилась, немного склонилась к земле, что-то рассматривая. На земле плясали солнечные пятна.

Это утренние лучи пробивались через кроны деревьев, создавая у подножия стволов причудливые узоры. Королева опять улыбнулась и принялась перепрыгивать из одного светового пятна в другое.

– Беги за мной! – крикнула она Пашке. – Я нашла тропу ко дворцу Элиндила.

Они выбежали на огромную поляну и закружились среди цветов, распугивая кузнечиков и тревожа важных божьих коровок. Играли в догонялки, и Пашка всё время выигрывал, потому что королева путалась в длинном подоле своего золотистого платья. Искали вход в королевство эльфов, но сегодня им это не удалось, а когда Пашка уже совсем собирался расстроиться, королева утешила его:

– Ничего страшного. Королевство специально заколдовано от чужаков. Не каждому дано увидеть его. Представляешь, что бы творилось, если бы каждый шлялся туда-сюда. Потерпи немного. Королевству надо присмотреться к тебе, тогда оно откроет свои ворота.

– А кто туда-сюда шляется? – любопытствовал Пашка.

– Тролли всякие, – нахмурилась Ангелина. – Орки опять же. Да мало ли в болотах и пещерах нечисти.

– А тролли страшные?

– Страшные? Нет, пожалуй. Противные. Невоспитанные. Грязные. Топчут своими ножищами цветы и ростки деревьев. Очень грубые. Могут поймать эльфа и по неосторожности помять ему крылья. И пахнет от них. Фу-у-у-у.

Пашка почему-то вспомнил дядю Гришу, который жил у них во дворе в городе. Он был именно такой: грязный и пахло от него неприятно. Постоянно спал на скамейке возле детской площадки, и бабушки со двора ругались на него:

– Совсем Гришка спился! Алкаш!

А он, оказывается, не алкаш, а просто тролль, который заблудился и не может найти свою пещеру.

* * *

Вечер. Пашка копается в сарае среди забытого барахла, которое родители годами свозили бабушке в деревню. И выбросить жалко, и в квартире уже нет места. Пусть полежит здесь. Старая стиральная машинка, Пашкина детская коляска, обязательные лыжи, ржавые поломанные санки, продавленный диван, уже изгрызенный мышами. Огромный плюшевый медведь без головы. На шее медведя – поцарапанный деревянный диск с кривым металлическим стерженьком. Пашка помнил, что этот медведь когда-то мог вертеть головой и ревел, если его валили набок. Мешки со старой маминой одеждой. Вот именно это и нужно. Днём королева зацепилась подолом своего золотистого платья за ветку, порвала его. Не расстроилась, казалось, даже не обратила внимания. Пашка заметил и решил сделать королеве подарок. Где-то тут, среди мешков, должно лежать старое мамино платье. То самое, которое она надевала на свадьбу с папой.

– Пашка! Павлик! Павлу-у-уша! Пошли маме звонить!

И он бросает все свои вечерние дела, подскакивает и мчится к бабушке. Вопит недовольно попавшая под ноги курица, кот вздыбливает спину и прыгает на стену сарая. Пашка не замечает ничего вокруг. Звонить маме!

Они с бабушкой идут к зданию старой фермы. Окна заколочены, тут давно не держат коров, технику разобрали и перевезли в соседний колхоз. Остался только запах и груды перегнившей соломы на заднем дворе, а также единственный на всю деревню телефон в комнатухе, в которой раньше сидел то ли сторож, то ли заведующий фермой.

Бабушка достаёт из кармана и водружает на нос нелепые огромные очки. Долго и осторожно крутит диск телефона, шёпотом повторяя про себя каждую цифру. Наконец в чёрной трубке раздаются гудки.

– Алло! Алло!

Пашка выхватывает трубку из рук бабушки.

– Мама, мама! У нас тут живёт настоящая королева!

– Паша, плохо слышно! – сквозь треск и шипение пробивается едва слышимый мамин голос. – Ты хорошо кушаешь?

– Да, мама, кушаю хорошо. У неё бриллианты и веер.

– Плеер? У кого плеер?

– Да не плеер, а веер. Веер из павлиньих перьев. Он у королевы.

– Да погоди ты! Не тараторь. Бабушке не надоел?

– Не надоел я бабушке. Ну послушай, мама! Она живёт в

доме у Сидорчухи и говорит, что это дворец.

– Это ты мне кино какое-то рассказываешь?

– Совсем не кино. Всё по-настоящему.

– Чепуха какая-то. Ладно. Не болеешь? Сопли прошли?

– Прошли, – вздохнул Пашка. – Мам. Тут волшебство всякое.

– Очень плохо слышно. Приеду – расскажешь. Дай-ка бабушку.

Пашка передаёт тяжёлую трубку бабушке. Та осторожно берёт её, словно боясь, что трубка ударит электричеством. Прижимает чёрную пластмассу к уху. Слушает, периодически кивая. Шумы и трески в трубке не мешают ей услышать мамин голос.

– Да, да. Поняла, – говорит бабушка.

Пашка стоит в стороне и ковыряет пальцем дырку в засаленных обоях.

– Да, – кивает бабушка. – Закатки приготовлю. Огурцов в этом году много будет. Клубнику тля поела, но огурцов много.

Пашка выходит на улицу и опускается на корточки, прижимаясь спиной к тёплой кирпичной стене. Ему хочется плакать. Он поднимает лицо к небу, на котором уже рассыпались яркие деревенские звёзды. Среди звёзд вспыхивает и гаснет красный огонёк самолёта. Раньше, когда он был совсем маленьким, мечтал полететь на самолёте над ночной землёй. И чтоб мальчишкам внизу подмигивал его красный огонёк.

Прошлым летом они полетели с мамой и папой к морю, но родители уже тогда начинали ссориться и весь отпуск, вместо веселья и отдыха, кричали друг на друга, а папа полночи пропадал в баре. Приходил в темноте, задевал ногами стулья. Снова ругался с мамой свистящим шёпотом. Храпел на диване. И пахло от него неприятно, как от тролля.

– Павлик, ты где? – бабушка вышла из кабинета то ли сторожа, то ли заведующего и завертела головой в поисках внука.

– Тут я, – отозвался Пашка.

– Пошли домой. Там сейчас мультики начнутся. Включу тебе.

«Эх, бабушка, ну какие мультики».

* * *

– Сегодня обязательно должно получиться, – сказала Ангелина. – Вчера, ты слышал, птицы на поляне на минуту затихли? Это город Элиндиля заметил тебя, начал присматриваться. Ещё немного, ещё один-два дня.

– Пошли скорее, – Пашка от нетерпения пританцовывал на месте.

– Подожди. Разувайся. Может, в этом дело. Может, Элиндилю не нравится, что ты, словно тролль, топчешь траву его поляны.

Пашка мигом расстегнул тугой замочек сандалий, ступил

босой ногой на колкую иглицу.

– Чувствуешь? – спросила Ангелина.

– Да, прошептал Пашка. – Муравей ползёт.

Королева рассмеялась.

– Какой ты глупенький!

И они запрыгали к заветной поляне по солнечным пятнам. У Пашки получалось ничуть не хуже королевы. Они снова бегали и танцевали среди цветов. Ангелина рассказывала чудные, очень интересные истории, а Пашка слушал, развесив уши.

А ближе к вечеру вдруг понял, что уже целую минуту не слышит пения птиц. И королева замерла прямо посреди танцевального движения в странной позе, подняв для прыжка одну ногу и раскинув в разные стороны тонкие руки. И ветер не колышет ветви, а вездесущие муравьи попрятались.

В надвигающейся тени леса мелькнула золотистая искра. Одна, вторая. Потом сразу целый сноп. И снова одна, вторая.

– Что это? – испуганно спросил Пашка.

Королева прижала палец к губам.

Искры закружились в хаотичном танце, сплелись в сетку, потом сложились в водоворот. И вот уже под деревьями сверкает окружённое золотистыми искрами окно. Окно? Или ворота в зачарованный город эльфов?

Пашка очнулся, шагнул вперёд, и искры вдруг испугались, взметнулись к вершинам деревьев, рассыпались среди крон и веток. И снова запели птицы, и загудели шмели. Ветер за-

играл длинными волосами королевы.

– Это вход в город? – почему-то шёпотом спросил он.

– Да, – довольно сказала Ангелина. – Я так и знала, что у тебя получится. Ещё немного, день-два от силы, и ты сможешь увидеть эльфов и их короля. Сегодня почти вышло.

– Они меня испугались? – обеспокоился Пашка. – Я не провалил всё дело?

– Нет, – убеждённо ответила королева. – Уверена, что нет. Просто было немного рано. Завтра обязательно получится. А сейчас пошли домой, а то темнеет.

* * *

Они вернулись к деревне через затихающий сумрачный лес. Только ступили босыми ногами на потрескавшийся асфальт, как Пашка почувал неладное. Окна бабушкиного дома почему-то были ярко освещены. У забора стояла незнакомая машина. Рядом с ней курил чужой мужчина. Из салона гремела неприятная резкая музыка.

Королева замедлила шаг. Пашке показалось, что она немного испугалась, но они уже вышли из-за дома Сидорчухи и попали в освещённый окнами круг.

– Пашка!

Посреди улицы стояли мать и бабушка, лица у них были странные. То ли испуганные, то ли очень злые. Пашка не разобрал. Он никогда таких лиц не видел.

Он обрадовался, что мама приехала раньше на целую неделю. Улыбнулся и открыл было рот, чтобы познакомить маму с королевой, рассказать о чудесных приключениях и волшебном городе, но тут...

– Паша! Пашенька! – бабушка бросилась к нему, сжала его лицо сухими мозолистыми ладонями. – Живой? Целый? Что она с тобой сделала?

– Ничего, – растерялся Пашка. – Мы гуляли. Там поляна, а на ней – целый город. Золотой город короля эльфов Элиндила. Надо только правильно посмотреть.

– Поляна?! В лесу? – пронзительным тонким голосом закричала мать.

Никогда не слышал, чтоб она так кричала. Даже когда они с отцом ссорились и ругались, мать не кричала так тонко, так пронзительно.

Пашка вздрогнул и отступил назад, к королеве. Мама в этот момент была совсем некрасивой, даже немного страшной. И кричала, всё время кричала.

– Куда ты водила его, идиотка?! Что ты с ним делала?!

Королева вскинула руки, словно защищаясь от крика. Её лицо стало беспомощным, почему-то очень юным, как у совсем маленькой девочки. Она начала пятиться к забору дома Сидорчухи, к калитке, пытаясь скрыться, спрятаться в своём временном дворце.

Мужчина у машины посмотрел на всю эту сцену равнодушно. Щелчком отправил докуренную сигарету в траву и

тут же потянулся за новой.

– А ну-ка пошли! – мать втолкнула Ангелину в дом Сидорчухи, проволокла по веранде, чуть не пинком загнала в комнату. Пашка бросился следом.

– Кто ты такая? Слышишь? Кто ты такая?!

Мать схватила королеву за плечи и начала её мелко трясти. Ангелина не сопротивлялась. Она отрешённо смотрела куда-то в сторону. Это её поведение злило мать ещё больше.

– Отвечай, с... а! Кто ты такая?! Откуда взялась?!

– Мама, что ты делаешь?! – в отчаянии закричал Пашка. – Отпусти. Её бабушка Сидорчуха пустила пожить на лето. Она подруга её сына.

– Я звонила Сидорчукам! – сквозь зубы ответила мать, не переставая трясти королеву. – Они знать никого не знают! Никого не пускали, тем более эту оборванку! Она забралась в их дом, обворовала! Николай Петрович уже едет сюда с милицией. Разберёмся!

От тряски корона на голове Ангелины начала съезжать набок. Мать как-то особенно сильно потряхнула девушку, и обруч упал на пол с тихим шелестом.

– Отвечай! – взвизгнула мать и замахнулась на девушку кулаком.

– Мама! – Пашка вцепился матери в локоть. – Мама, не смей!

Мать словно очнулась. Отпустила измученную жертву, оттолкнула её от себя.

– Сейчас разберёмся! – она отодвинула Пашку в сторону, подошла к столу, где лежала сумочка Ангелины и принялась там рыться.

– Мама!

– Что мама! Почему ты её защищаешь?

– Она ни в чём не виновата!

– Сейчас посмотрим! – повторила мать.

Схватила сумочку за края и перевернула её над столом. Посыпалась какая-то мелочь, упали чайные пакетики, покатались какие-то монетки, безделушки, что-то разбилось. Несколько пуговиц соскользнули со стола, провалились в щели между досками пола. Солидно звякнул медный напёрсток. Разлетелось несколько белых бумажек с синими печатями.

– Ага! – торжествующе закричала мать, подхватывая одну из них. – Что тут у нас? Ангелина Леонидовна Быстрова, 1978-го года рождения. Так, проживает... родители... Ага! Диагноз!

Мать прочитала что-то непонятное.

– Так она больная! Психичка! Из дурки сбежала!

– Мама! – слёзы брызнули из глаз Пашки. – Не надо! Не обзывай её. Она хорошая! Мы играем на поляне. Нам очень весело!

– Она сумасшедшая! – сквозь зубы сказала мать, тряся перед носом Пашки найденной бумажкой. – Посмотри, тут написано, что она лечится в дурдоме. Почитай сам.

– Мама! Она королева! Она танцует...

– Совсем ребёнку голову задурила! – взвизгнула мать, наступая на королеву.

Ангелина, защищаясь, подняла вверх веер из павлиньих перьев.

– Сейчас за тобой приедут! Николай Петрович привезёт милицию и уж она тебя мигом обратно в дурку устроит!

– Мама! Мамочка, пожалуйста, – рыдал Пашка. – Не надо милиции, не надо никакой дурки! Она хорошая!

– Пойдём отсюда, – мать сильно и жёстко схватила Пашку за руку и поволокла к выходу. – Нечего тебе здесь больше делать.

– Мама не надо! – Пашка упёрся в пол ногами, но силы были не равны. – Ангелина, помоги!

Королева подняла на мальчика печальные, полные слёз глаза. Попыталась привычно, солнечно улыбнуться. Казалось, если у неё это получится, то всё мигом встанет обратно на свои места. И мама поймёт, и они вместе пойдут на заколдованную поляну. И будут там танцевать. И город эльфов появится из сумрака...

– Мама!

* * *

Мать выволокла Пашку на улицу, плотно закрыла дверь в дом Сидорчуков, для верности подпёрла валяющимся тут

же поленом.

– Вот, теперь никуда не сбежит.

Пашка вывернулся из материнских рук. Бросился к двери, но та снова схватила его.

– Отпусти!

– Да что с тобой творится! Немедленно успокойся! Что за истерика?

– Мама! – рванулся Пашка.

И тут же увидел искры. Только не золотистые, а красные. Искры рассыпались у него перед глазами, а щека запылала, обожжённая болью.

– Мама, – прошептал он.

– Сам виноват, – огрызнулась мать. – Нечего было вырываться.

И тогда Пашка заплакал.

* * *

Через час у их дома остановилась машина Николая Петровича, зятя бабушки Сидорчухи. Следом за ним ехала ещё одна длинная машина, из которой вышел строгий человек в фуражке и рубашке с погонами.

Николай Петрович, отдуваясь и пыхтя, выбрался на дорогу. Остановился, утирая пот со лба огромным мятым платком.

– Вот это новости, вот это чудеса. Совсем люди одича-

ли. Оставишь дом, запрёшь его на все замки. А тут какие-то дикари, какие-то цыгане-оборванцы. Обворовали, ограбили. Куда страна катится.

– Где она? – сурово спросил человек в фуражке.

– Мы её в доме Сидорчуков заперли, – ответила мама. –

Не знали, что с ней делать.

– В доме? – охнул Николай Петрович. – Она же там всё разнесёт!

– Было бы что разносить, – ядовито ответила бабушка. –

Половики и те сняли. Перину в город утащили.

– Не ваше дело! – огрызнулся Николай Петрович. – Ещё надо разобраться, кто её впустил. Может, вы заодно. Я ещё загляну к вам в сарай, проверю, как бы вы под шумок что-нибудь из наших вещичек не прихватили.

– Да чтоб тебя! – плюнула бабушка. – Дал Бог соседушку.

– Прекратите балаган, – отрезал человек в фуражке.

И все испуганно замерли, подчинившись его властному голосу.

– Пройдёмте, граждане. Посмотрим на подозреваемую.

* * *

В доме было пусто. Поблёскивал у печки потерянный медный напёрсток, застряла между досками пола белая пуговица. Сама же королева исчезла. Растворилась в летнем сумраке, словно и не было её. Словно в один миг перенеслась в

мир эльфов, в золотой город волшебника Элиндила.

Одно из окон в комнате было распахнуто настежь. Летний ветерок играл невесомым запыленным тюлем. Горшок с полусохшей геранью был аккуратно отставлен в сторону.

– Понятно, – сказал человек в фуражке.

Поднял рацию.

– Семёнов!

– Гр-р-р-р, – ответила рация.

– Семёнов! Это Михайлов! Я на месте! Подозреваемая сбежала. Предположительно направляется в сторону электрички. Объявите там.

– Гр-р-р, – снова рывкнула рация.

И Пашка вдруг понял, что по ту сторону сидит в своей мрачной пещере страшный орк или тролль. Сидит, рычит в рацию. И на одном из рогов висит у него фуражка. Такая же, как у строгого Михайлова.

– Да кто её знает, – Михайлов пожал плечами, словно собеседник мог его увидеть, – дом давно заброшен. Может, и взяла чего. Если было что брать.

– Не заброшен, – запротестовал Николай Петрович. – Мы траву косили.

Человек в фуражке глянул на него как-то презрительно, развернулся и вышел. Взрослые потянулись за ним.

В пустой комнате Пашка остался один. Подошёл к окну, осторожно вернул герань на место. Потом подобрал напёрсток, сунул его в карман. Выковырял из щели пуговицу, от-

правил её вслед за напёрстком. Поправил тюль, прикрыл окно. И остановился, глядя через стекло на темнеющий лес. Лес замер, испуганный криками людей, их шумом и суматохой. Лес настороженно ждал. Он не верил людям, не любил их. Люди предавали его, ловили и прятали в страшные места под названием «дурка» его детей.

Пашка смотрел на лес сухими, словно повзрослевшими глазами. Но лес в ответ не смотрел на него. За слепыми стёклами полузаброшенного дома он не мог разглядеть мальчика, который ещё сегодня днём искал на его полянах волшебный замок Элиндила.

В сумраке загорелась и тут же погасла золотая искра. То ли поднялся с листка потревоженный светлячок, то ли ушёл в другое измерение заколдованный замок.

Пашка отвернулся и пошёл к выходу. Ему пора было возвращаться в скучную и серую жизнь, в которой была мать, школа, новые друзья, редкие воскресные свидания с отцом. Жизнь, в которой не было места королеве Ангелине и её серебряному смеху.

В доме ещё витал её запах. Травяная подушка хранила очертания её затылка.

А на столе, словно оставленный на прощанье, лежал шикарный веер из павлиньих перьев – несколько сухих стебельков потрёпанного камыша.

Кладбище

В какой-то толстой солидной энциклопедии Сашка прочитал, что шестьдесят процентов населения планеты Земля живёт в полосе не более 50 километров от ближайшего водоёма. Озера, реки, а лучше моря. Особенности везунчики поселились неподалёку от океана. Выглядывают в окно, а там – огромные волны с барашками белой пены. Накатываются и накатываются на берег. Киты всякие плавают, дельфины, каракатицы с осьминогами. Огромные силуэты лайнеров и призрачные тени парусников. Но даже не в парусниках дело. Сашка был уверен, что все эти люди, живущие возле воды, ежедневно купаются, ныряют, в общем, наслаждаются жизнью как могут.

В пыльном и маленьком городе, который облюбовали для жизни его родители, из водоёмов имелся только старый и постоянно закрытый на ремонт бассейн. Сашке было лет шесть, когда из области приехал толстый чиновник. Торжественно, под оркестр и аплодисменты перерезал ленточку, открывая, увешанный лентами, сверкающий новенькой краской спортивный комплекс, погудел со скандалом в лучшем ресторане и уехал. В бассейн тут же выстроилась очередь из взрослых и детей. По слухам, кто-то даже успел туда сходить. Приобрести абонемент. На третий день в подвале бассейна прорвало какие-то трубы, на дверь повесили табличку «Временно за-

крыто». Через год табличка выгорела на солнце и её сняли. Чиновник больше не приезжал.

А Сашка больше всего на свете любил купаться, причём не просто в какой-то там ванной. Любил разогнаться, стремительно сигануть в прозрачную, прохладную воду, задохнуться и взвизгнуть от радости, от неожиданной прохлады. Выскочить на поверхность, размахивая руками. И плыть, плыть...

А ближайшее озеро в двадцати километрах от города. И родителей, как не уговаривай, вечером туда не затанешь. Однажды на выходных отец поддался уговорам, завёл машину, мама собрала бутерброды, свернула в тугие узлы покрывала, купальник. Поехали. Сашка сидел довольный на заднем сиденье, улыбался всему миру, предвкушая первый прыжок в озёрную воду.

За пять километров до озера асфальт закончился, машина застонала, затряслась. Ещё через километр старенький «форд» прочно застрял посреди огромной лужи. Отец часа два его выталкивал, измазался весь, поругался с мамой, с Сашкой, проклял все на свете озёра. Мимо ехал дядька на грузовике, зацепили, дёрнули, но разговоров про поездку на озеро больше не вели.

Поэтому весь год Сашка с нетерпением ждал лета. Как только заканчивались последние уроки, отец торжественно похлопывал его по плечу:

– Ну, Александр Игнатьич, собирайся.

Сашке и напоминать не надо было. Он ещё с марта готовился, на календаре дни отмечал красным фломастером. Укладывал в сумку несколько смен одежды, кеды-тапочки, немного игрушек-книжек. И на всё лето к бабушке в деревню.

Едут долго. Сначала по улицам города, и Сашка, прилипнув к окну, видит, как мельчают и стареют городские дома. Из новеньких девятиэтажек превращаются в хрущёвские панельки, в двухэтажные кирпичные здания с непонятными вывесками «Промбудоустановка», «Горэнергообит». Потом среди этих панелек начинают мелькать целые гнёзда обычных деревенских домов частного сектора, и вот уже вдоль дороги не город, а настоящая деревня. Из-за заборов заливаются лаем кудлатые псы, на газоне пасётся привязанная к светофору коза, из-под колёс машин с воплями разбегаются грязные куры. И деревня эта тоже заканчивается около высокого столба с табличкой. На табличке облупившейся краской выведено «Н...ск». Надпись перечёркнута красной линией. Город остаётся позади.

Потом почти час дорога петляет по полям и лесам. Между городом и бабушкой целых два леса. Один короткий, грустный какой-то, прорезанный просеками и небольшими деревеньками. Машина проскакивает его всего минут за десять. Зато второй солидный. Огромные сосны подступают к самой дороге, в лесной сумрак убегают тропинки, и через каждые полкилометра попадают знаки с прыгающим оленем.

Сашка знал, что знак этот называется «Осторожно, дикие животные», и мечтал, что когда-нибудь раздвинутся природо-рожные кусты и к дороге выйдет настоящий олень. Не такой, как нарисованный, мелкий и чёрный. А большой, красивый, с ветвистыми рогами. Но олень никогда не выходил. Да что говорить, даже нарисованные на других знаках лягушки на дорогу не выскакивали. Как будто не для них знаки ставили.

Проезжали лес, парочку деревень с одинаковыми названиями. Потом дорога некоторое время петляла вдоль узкой мелкой речушки. И наконец пересекала поднимающийся над этой речушкой мост. А там – курган с серебристым памятником погибшему на войне лётчику, ещё одна деревенька – и они у бабушки.

Бабушка выбегает из дома, бросается Сашку обнимать. Причитает, какой он стал высокий и худю-ющ-щий. Папа бабушку не любит, поэтому торопливо сбрасывает на веранде всё Сашкино барахло, забирает в багажник мешок картошки, какие-то закатки. Мама спрашивает бабушку о здоровье, о соседях. Бабушка отвечает тщательно, подробно описывая все симптомы. Несколько раз показывает, где болит спина, а потом бросается помогать отцу грузить в багажник второй мешок картошки.

Едва попив чаю, родители уезжают. И Сашка с бабушкой остаются одни на целых три месяца, на всё долгое, радостное лето.

И уже вечером наступает момент, который запоминается

на всё лето, который приятно вспомнить и скучной школьной осенью, который начинаешь ждать сразу после того, как отец утаскивает на мусорку новогоднюю ёлку.

Бабушка достаёт из чуланчика пропахшую мышами сумочку, складывает в неё прожжённое утюгом покрывало, которое мама привезла ей ещё три года назад.

– Ну, беги уже, торопыга.

И Сашка бежит. Сначала радостно несётся, задыхаясь, и сумка бьёт его по ногам. Потом устаёт, сбавляет темп. Трава мешает идти, тропинка после зимы и весны заросла. Идёт долго по колким камням и кочкам, вдоль бесконечного колхозного поля, через низинку, поросшую кривыми осинками, поднимается на невысокий холм – и вот она, Плотвянка. Узкая, темноводная, поросшая осокой. А пока Сашка шёл, устал, наглотался пыли, ему жарко. А берег – вот он, руку протяни. Сашка снова бежит, забыв про усталость. На бегу сбрасывает сандалии, майку и ныряет в пропахшую тиной воду. И счастью его нет предела.

Сашка набирает воздуха побольше, опускается к самому дну реки, ложится на колкие камешки, вцепившись в водоросли, чтоб не снесло течением, замирает на месте. И лежит так, закрыв глаза, пока хватает воздуха. Вокруг – бесконечная тишина воды. Если глаза открыть, видно, как сквозь рябь крошечных волн светит вечернее солнце. Ну почему он не рыба? Почему у него нет жабр и нельзя лежать так бесконечно?

Утром у бабушкиного дома тормозит разбитый старый велосипед.

– Баб Валя, Сашка приехал?

– Приехал, – добродушно ворчит бабушка. – Отсыпается ещё. Не ори, садись и молока попей.

Сашка сквозь сон слышит этот разговор и вскакивает. Это объявился Юрец, его летний друг и товарищ по многочисленным деревенским играм. Юрец местный. С ним гулять одно удовольствие. Он и все места тайные на реке знает, и самые грибные поляны в лесу. И баек всяких деревенских целый вагон. А ещё он под Новый год, когда батька наклюкался в зюю, спёр со стола целый стакан самогона и одним махом выпил.

– И что? – с ужасом спрашивал Сашка.

– А ничего, – с каким-то презрением отвечал Юрец. – Занюхал рукавом и на ёлку пошёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.